

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

**№3⁽³⁷⁾
2013**

Москва 2013

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ**

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

**Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, В. Голдман,
Л.Е. Горизонтов, В.И. Дурновцев, Е.Н. Евсева, Н.Т. Ерегина,
Г.З. Иоффе, А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая, А.В. Костров,
А.В. Крушельницкий, Н.Г. Кулинич, В.В. Минаев, А.М. Пашков,
В.Н. Пискун, В.А. Поляков, А.С. Сенин, А.А. Симонов, В.Л. Успенский
О.В. Хлевнюк, Т.И. Хорхордина, В.Ж. Цветков, П.П. Шкаренков**

Обложка А. Надточенко

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

© Новый исторический вестник, 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES**

The Journal is founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

**Sergey S. Ippolito
Sergey V. Karpenko**

EDITORIAL BOARD

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, V. Buldakov, V. Durnovtsev,
N. Eregina, E. Evseeva, W. Goldman, L. Gorizontov, G. Ioffe, O. Khlevnyuk,
T. Khorkhordina, A. Kilichenkov, A. Kostrov, T. Krasovitskaya,
A. Krushelnitskiy, N. Kulinich, V. Minaev, A. Pashkov, V. Piskun,
V. Polyakov, A. Senin, P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky**

Cover Designer A. Nadtochenko

Quarterly journal

Address:
6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2013
© by Russian State University
for the Humanities, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Борисов В.Е.** Гулящие люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. 6
- Ипполитов С.С., Минаев В.В.** «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты 27
- Трошина Т.И.** «К полякам в плен попасть очень было нежелательно»: «Поход за Вислу» и германские лагеря в памяти бойцов, политработников и командиров Красной армии ... 46
- Кириллова Е.А.** Петроградские жилтоварищества в начале 1920-х гг.: организация, состав и «классовая линия» городских властей 72

Новая Россия и постсоветское зарубежье

- Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». *Материал подготовили к публикации Марченя П.П., Разин С.Ю.* 98

События и судьбы

- Кодин Е.В.** Николай Троицкий: от симбирского повстанца до директора мюнхенского Института по изучению СССР 148
- Содержание, авторы, аннотации 168
- Contents, Authors, Abstracts 172

CONTENTS

Articles

- V. Borisov** Gulyashshie Lyudi and Other Social Groups Exempted from Paying Tyaglo behind the Urals in 17th century 6
- S. Ippolitov, V. Minaev** “The Entire Fate of Russia Depends on it”: On the Demographic and Economic Expansion of China and Japan in the East of Russia during Second Russian Smuta 27
- T. Troshina** “We’d Rather not be Captured by the Poles”: “The March off the Vistula” and German Camps in the Memories of the Red Army’s Soldiers, Political Workers and Commanders 46
- E. Kirillova** Housing Cooperatives in Petrograd in the early 1920s: Organization, Structure and the “Class Line” of the City Authorities 72

Contemporary Russia and Post-Soviet States

- International Round Table “Russia and Post-Soviet Space: Problems and Prospects”. *The proceedings were prepared for publication by P. Marchenya, S. Razin* 98

Landmarks in Human History

- E. Kodin** Nikolay Troitskiy: From the Simbirsk Insurgent to the Director of the Munich Institute for the Study of the USSR 148
- Contents, Authors, Abstracts 172

НОВАЯ РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

16 апреля 2013 г. в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» в Москве, в Институте гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ), состоялся Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». Наряду с ИГУМОиИТ и проектом «Народ и власть» его организаторами выступили информационно-аналитический журнал «Союз», Российский государственный гуманитарный университет и журнал «Новый исторический вестник».

Круглый стол был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов современной геополитической ситуации на постсоветском пространстве. Сама эта ситуация рассматривалась в общем контексте евразийской и мировой истории. Для обсуждения его участникам были предложены восемь проблем:

Постсоветское пространство в контексте исторического ритма Евразии;

Уроки СССР и пути постсоветской интеграции: назад в будущее или вперед в прошлое?;

Россия и постсоветское пространство в контексте геополитических и геоэкономических процессов современности;

«Русский мир» и постсоветские государства;

Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность;

Евросоюз и республики бывшего СССР: возможна ли в XXI в. «Единая Европа от Атлантики до Урала»?;

Китайский фактор на постсоветском пространстве

Арабо-исламский мир и судьба постсоветского пространства в XXI в.

На круглом столе состоялась оживленная дискуссия. В ней приняли участие более 20-ти специалистов, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации, вузы и другие официальные учреждения России, Беларуси, США. Среди них были: доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Российской

академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ Ольга Дмитриевна Абрамова; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, главный редактор альманаха «Историческое обозрение» и журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета» Сергей Викторович Алексеев; кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики предприятия ИГУМОиИТ Наталья Юрьевна Булешова; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН Олег Григорьевич Буховец; кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин ИГУМОиИТ Сергей Павлович Гришаев; кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, заведующая Отделом диаспоры и миграции Института стран СНГ Александра Викторовна Докучаева; кандидат исторических наук, профессор, руководитель Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» РГГУ Наталья Викторовна Елисеева; кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН Станислав Михайлович Иванов; кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН Игорь Михайлович Кузнецов; доктор политических наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Ольга Георгиевна Леонова; кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского федерального университета Дмитрий Иванович Люкшин; кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России, доцент УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России» РГГУ Павел Петрович Марченя; кандидат исторических наук, преподаватель кафедры москвоведения РГГУ Владислав Валерьевич Машко; доктор политических наук, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности РАНХиГС Александр Николаевич Михайленко; доктор политических наук, действительный член Академии геополитических проблем, заместитель главного редактора журнала «Обозреватель—Observer» Владимир Борисович Павленко; кандидат исторических наук, профессор Всероссийской академии внешней торговли, заведующий Отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН Сергей Викторович Патрушев; кандидат исторических наук, профессор, руководитель Центра российско-американских отношений Института США и Канады РАН Павел Терентьевич Подлесный; кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН Николай Владимирович Работяжев; доцент кафедры общественных наук ИГУМОи-

ИТ Сергей Юрьевич Разин; эксперт по внешней политике Политического отдела посольства США в России Брайан Смит (Brian Smith); кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана Факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики Андрей Иванович Суздальцев; научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор философии Европейского университета в Ганновере Дмитрий Викторович Суржик; доктор исторических наук, профессор, директор Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ Жибек Сапарбековна Сыздыкова; доктор исторических наук, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России РАНХиГС Сергей Викторович Фокин; доктор исторических наук, руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН Владимир Георгиевич Хорос; доктор исторических наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России Андрей Владимирович Чертищев.

В настоящей публикации представлен сокращенный и отредактированный вариант дискуссии на заседании круглого стола.

* * *

С.Ю. Разин. Уважаемые участники Международного круглого стола, прежде всего позвольте пояснить, как и почему возникла идея его проведения.

Занимаясь в рамках проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» изучением системных кризисов русской истории, мы пришли к выводу: понять их, не переосмыслив феномен Империи, нельзя. Мы рассматриваем этот феномен в категориях цивилизации, культуры и геополитики. И исходим из того, что СССР был империей. Ее распад, явившийся этапом системного кризиса нашего общества, и привел к возникновению геополитического феномена, который именуется ныне «постсоветским пространством».

Ядром Советского Союза была Российская Федерация. Она же является ядром постсоветского пространства. Аналогичная ситуация имела место после того как в 1917 г. в результате свержения царизма произошел распад Российской империи. Своеобразным ядром постимперского пространства тогда являлась РСФСР. Судьба постимперского пространства зависела от исхода Гражданской войны и военной интервенции иностранных держав на территории РСФСР. Они, как известно, завершились утверждением у власти большевиков, взявших курс на создание СССР. За неполные два десятка лет в его состав вошли практически все территории бывшей Российской империи, за исключением Польши и Финляндии. По сути дела, произошло возрождение Империи в новой форме. СССР стал геополитическим и цивилизационным преемником Российской империи. И неслучайно некоторые исследователи называют российскую смуту начала XX в. «механизмом смерти–регенерации Империи».

На наш взгляд, существуют определенные общие черты протекания системных кризисов российской истории начала и конца XX в. Рассуждая таким образом, мы пришли к выводу о том, что вот в таком контексте был бы полезным и интересным разговор и о судьбе постсоветского пространства. Так родилась идея проведения круглого стола «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы».

Актуальность этой темы обусловлена и кризисом Европейского Союза, и тем, что в последние годы в экспертном сообществе, в связи с кризисом национального государства, объективно усилился интерес к феномену Империи, и тем, что сейчас усилиями многих политиков, политологов, публицистов, в том числе и с подачи президента В.В. Путина, сформулировавшего в известной статье идею создания Евразийского Экономического Союза, предпринимается попытка вдохнуть новую жизнь в процесс интеграции на постсоветском пространстве.

Хотелось бы, чтобы в ходе нашей дискуссии мы сосредоточили внимание на следующих вопросах: является ли нынешняя Россия центром интеграции постсоветского пространства? нужна ли современной российской политической элите реальная интеграция постсоветского пространства? нужна ли эта интеграция политическим элитам и народам бывших республик СССР? каковы цели и задачи наших геополитических оппонентов на постсоветском пространстве? как влияет глобальный кризис на интеграционные процессы на постсоветском пространстве?

С.В. Фокин. 29 мая 2009 г. наша кафедра совместно с Академией геополитических проблем и Фондом содействия обеспечению национальных интересов Отчизны провела научно-практическую конференцию «Проблемы, перспективы и пути обеспечения национальной безопасности России в условиях глобального кризиса». В моем выступлении на конференции, «Восстановление геополитического пространства страны в контексте стратегии национальной безопасности», были приведены примеры того, как, казалось бы, исчезнувшие раз и навсегда с политической карты мира империи могут через какое-то время быть восстановлены в обновленном, модифицированном виде. Один из приведенных мною примеров касался Священной Римской империи германской нации. На мой взгляд, в XX в. произошло трансформационное восстановление ее геополитического пространства в виде интеграционного сообщества европейских государств – ЕС.

Священная Римская империя германской нации прекратила свое существование в ходе наполеоновских войн начала XIX в. В 1806 г. император Франц II отрекся от престола. Но уже в 1808 г. философ И.Г. Фихте в «Речах к немецкой нации» призвал немецкий народ к моральному возрождению и объединению. Его дело продолжил в 1812 г. поэт и историк Э.М. Арндт. Он назвал немецкий народ сердцем Европы. По мнению Арндта, историческое предназначение немецкого народа состоит в том, чтобы стать воспитателем всей Европы. Таким образом, не прошло и

семи лет после краха империи, как идея ее восстановления была востребована немецким социумом. Но только через 100 лет эта идея нашла свое воплощение в книгах Й. Парча («Срединная Европа»), Ф. Наумана («Срединная Европа») и К. Каутского («Средняя Европа»). Эти авторы считали, что в состав «Срединной Европы» должны войти не только территории бывшей империи, но и ряд прилегающих территорий. По сути, концепция «Срединной Европы» и была реализована в конце XX в. Маастрихтским договором о создании ЕС.

Если рассматривать отечественные геополитические проекты – такие как проект Петра Великого «Европа + Россия», «Греческий проект» Екатерины II и большевистский проект мировой революции, – то надо сказать, что неудача их была связана с тем, что в борьбе за место в Европе, в соревновании за роль в концерте великих держав Россия очень многое потеряла. Об этом убедительно писал в труде «Наше положение» А.Е. Вандам. По его мнению, в области геостратегии Российская империя допустила много ошибок. Ее участие в войнах за освобождение Европы и ошибочное понимание равновесия сил привели державу к нежелательным последствиям. Россия упустила время, и многое потеряла из-за несоответствия своей геостратегии национальным интересам страны.

В 1911 г. вышла книга «Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны», в которой А.Н. Куропаткин сформулировал геополитические задачи, стоявшие перед Россией в XX в.: выйти к Средиземному морю и Индийскому океану, а также укрепить позиции на Тихом океане. В 1915 г. вышла еще одна его книга «Военная мощь России. Предсказания генерал-адъютанта Куропаткина и критика их графом Витте». В ней он пришел к выводу, что вследствие высокой боевой готовности соседней соотношение сил России и ее вероятных противников складывается не в пользу первой, а потому будет очень трудно не только выполнить вышеуказанные геополитические задачи, но и удержать уже занимаемую территорию.

Опасения, высказанные тогда Куропаткиным, сбылись в конце XX в., когда в результате распада СССР население страны уменьшилось более чем на 100 млн человек, а ее территория сократилась на 5,1 тыс. кв. км. Сегодня гражданами России и ближнего зарубежья настоятельно востребован мощный геополитический проект, способный, подобно «Срединной Европе», овладеть массами с помощью средств массовой информации (которые пока в основном заняты развлечением, а точнее отвлечением социума от сложных социально-экономических и политических проблем). Четкая и ясная концептуальная программа по образованию нового евразийского межгосударственного объединения со своей столицей, парламентом и другими институтами управления, естественно, потребует длительного периода времени для ее созревания в сознании народов РФ и близлежащих государств. Возникновение нового субъекта мирового сообщества в виде Евразийского союза вполне возможно и реально. Так

же реально, как и произошедшее восстановление геопространства Священной Римской империи германской нации в виде ЕС. Если говорить об интеграции на постсоветском пространстве, то следует напомнить, что идею создания ЕАС еще в начале 1990-х гг. выдвинул президент Казахстана Н. Назарбаев. Он считал, что СНГ не соответствует требованиям времени. По его мнению, базисом ЕАС должно было стать единое экономическое пространство. Он предложил создать наднациональные органы ЕАС. При этом он отмечал, что должен быть целиком и полностью сохранен политический суверенитет государств-членов ЕАС. Столицей ЕАС, с точки зрения руководителя Казахстана, могла бы стать Астана.

3 октября 2011 г. в газете «Известия» была опубликована статья В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». В этой статье он отметил, что Западной Европе потребовалось 40 лет для того, чтобы пройти путь от «Европейского объединения угля и стали» к полноценному Европейскому Союзу, но интеграционный процесс на постсоветском пространстве может занять гораздо меньше времени. Он убежден, что создание ЕАС – это тот путь, который позволит всем, кто по нему идет, занять достойное место в формирующейся новой системе международных отношений.

Надо сказать, что наши геополитические конкуренты не испытывают особой радости по поводу идеи создания ЕАС. В первую очередь, это относится к США. Бывший госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что ее страна сделает все, чтобы помешать созданию новой версии Советского Союза под видом экономической интеграции. В ответ на это президенты России, Беларуси и Казахстана поручили правительствам принять в мае 2013 г. план по созданию ЕАЭС и представить к маю 2014 г. проект договора о его создании, чтобы к 1 января 2015 г. этот процесс был завершен.

С.П. Гришаев. Опыт ЕС оказался не очень удачным. Это при том что там есть общие ценности, общие идеи. А на какой основе, на ваш взгляд, может строиться интеграция России с другими постсоветскими государствами?

С.В. Фокин. Почему вы считаете, что опыт ЕС – это неудачный опыт?

С.П. Гришаев. Потому что сейчас ЕС переживает глубокий кризис.

С.В. Фокин. У меня другая точка зрения. Опыт ЕС – это, на мой взгляд, очень удачный опыт.

С.Ю. Разин. Почему вы считаете опыт ЕС удачным?

С.В. Фокин. Потому что там произошло объединение ресурсов, свободное перемещение рабочей силы, устанавливается стабильность и демократия. Все у ЕС идет нормально и, думаю, что не надо так уж беспокоиться за его судьбу.

А.И. Суздальцев. В российском экспертном сообществе есть два подхода к анализу опыта ЕС. Сторонники одной точки зрения считают, что это опыт неудачный. Эти эксперты заявляют, что в ходе евроинтеграции

были допущены ошибки, схожие с теми, которые были в свое время сделаны советской политической элитой в ходе национально-государственного строительства в СССР. По их мнению, одной из таких ошибок является создание наднационального центра, который отбирает все больше суверенитета у национальных государств, входящих в ЕС. Есть вторая, позитивистская точка зрения, сторонники которой считают, что, несмотря на все проблемы, ЕС развивается, и нам есть чему поучиться у него.

С.Ю. Разин. Вы [С.В. Фокину] сказали, что ЕС – это новое издание Священной Римской империи германской нации...

С.В. Фокин. Это трансформационное восстановление геополитического пространства бывшей Священной Римской империи германской нации. Если вы возьмете карту ЕС и наложите на карту Священной Римской империи, то увидите, что их границы почти совпадают. ЕС – это экономическое и политическое объединение европейских государств региональной интеграции. Генератором его развития является Германия – самое мощное, на сегодняшний день, европейское континентальное государство.

А.В. Докучаева. Сегодня по каналу “Euronews” был показан сюжет, в котором говорилось о том, что в Германии собирается съезд сторонников восстановления немецкой марки. Вам не кажется, что за подобного рода движениями, выступающими за дезинтеграцию ЕС, стоят США?

С.В. Фокин. Нет, не кажется. Но, тем не менее, понятно, что ни одно государство не желает иметь крупного и сильного конкурента. Это аксиома экономики и геополитики.

П.Т. Подлесный. Здесь много уже сказано о ЕС. Хочу обратить внимание на то, что ЕС помирил немцев с французами и поляками. Необходимость решения этой задачи была одной из причин создания ЕС. Хотя, конечно, были и другие, прежде всего экономические, причины создания этой организации.

С.Ю. Разин. По этому поводу хочу отметить, что некоторые эксперты называют ЕС «Четвертым рейхом». Помирил ли ЕС немцев с французами и поляками, насколько России выгодно доминирование Германии в континентальной Европе – это два больших вопроса.

А.В. Докучаева. Я хотела бы остановиться на вопросе о судьбе русского языка на постсоветском пространстве. Говоря об интеграции, нельзя не сказать о русском языке, который является связующим звеном, ресурсом и инструментом интеграции постсоветских стран.

Надо сказать, что существуют разные взгляды на судьбу русского языка на постсоветском пространстве. Например, националисты разного толка сходятся в том, что не нужно проводить никаких специальных мероприятий по пропаганде и распространению русского языка. Казахские националисты стремятся к полному выдавливанию русских и русского языка из Казахстана. Украинские националисты всячески выступают против довольно умеренного Закона «Об основах государственной языковой политики», который дает русскому языку лишь статус регионального

языка. Правда, этот статус он получает во всех регионах, где носители русского языка составляют более 10 % населения. Надо понимать, что, за исключением может быть самых западных областей, вся Украина будет иметь русский язык как региональный. Необходимо отметить, что русские националисты-изоляционисты также не хотят распространения русского языка за пределами России. В частности, они выступают категорически против того, чтобы русский язык распространялся в государствах Центральной Азии.

Мы, сотрудники Института стран СНГ, выступаем против такого подхода. На наш взгляд, от того каков будет статус русского языка в постсоветских государствах, во многом будет зависеть, чем станет ближе зарубежье для России – поясом дружбы, добрососедства, взаимовыгодного экономического сотрудничества или полосой конфронтации. От решения этого вопроса во многом зависят место и роль самих бывших республик СССР в современном мире.

Анализируя ситуацию, которая сложилась вокруг русского языка на постсоветском пространстве, можно сказать, что языковая политика бывших союзных республик остается политически ангажированной и зависит как от внутривнутриполитических установок, так и от их внешнеполитической ориентации. То положение, в котором сегодня оказался русский язык, является следствием политики, проводимой этнократическими режимами постсоветских государств и во многом базирующейся на антирусских мифах и стереотипах. Тем не менее, русский язык и через 20 лет после распада СССР остается языком межнационального и межгосударственного общения на постсоветском пространстве. Он является преобладающим языком пользователей Интернета в постсоветских странах.

Сохранение русского языка в постсоветских странах напрямую зависит от численности проживающих там носителей языка, от роста потребности в его знании у трудовых мигрантов, которые приезжают или хотят приехать на работу в Россию. Это положение хорошо иллюстрируется результатами исследования положения русского языка на постсоветском пространстве, проведенного в 2007 г. Фондом «Евразия».

В данном контексте, я думаю, надо внимательно посмотреть на то, как реализуется Федеральная государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников в Россию. В этом году начался второй этап реализации этой программы. В ней расширены возможности для адаптации тех, кто приедет в Россию. Но не целесообразно ли было бы в целях сохранения нашего потенциала за рубежом не агитировать всех за переезд в Россию, а рассмотреть вопрос о предоставлении права на второе гражданство нашим соотечественникам, которые остаются в странах своего проживания? Сейчас об этом прямо говорят многие соотечественники, которые пользуются данной программой, чтобы получить российское гражданство по упрощенной схеме. Так, казахи приезжают в Омск, получают статус участника программы, получают российское

гражданство и возвращаются к себе в Казахстан, потому что не так-то просто обустроиться в России. Во многом это происходит потому, что условия бизнеса в Казахстане в организационном и в законодательном планах проще, чем в России.

К.Ф. Затулин, будучи депутатом Государственной думы, выдвигал законодательные инициативы по этому вопросу, но они были отклонены. Сейчас в Думе находятся несколько аналогичных законопроектов. Однако Администрация президента и ФМС категорически противодействует реализации этих инициатив. Я думаю, что это – недальновидная политика, от которой необходимо отказаться. Здесь, как мне кажется, важна позиция экспертного сообщества, которое должно играть более активную роль в решении вопроса, имеющего большое значение для геополитических интересов России.

Необходимо также сказать о том, что учебные заведения постсоветских стран не дают полноценного знания русского языка. Сокращается количество часов, выделяемых на его изучение. Резко падает грамотность носителей и пользователей языка. В общем, система обучения русскому языку нуждается в серьезном совершенствовании. Кроме того, в самой России есть очень серьезные проблемы с изучением русского языка. Действующая сейчас четвертая Федеральная целевая программа «Русский язык» (на 2011–2015 гг.) отличается от предыдущих тем, что в ней совершенно ничего не сказано о необходимости развития русского языка как национального языка русского народа. В результате деньги на развитие русского языка и русской филологии в последние годы просто не выделялись. Понятно, что такой подход не способствует развитию русского языка и его распространению на постсоветском пространстве, хотя необходимость решения этой задачи записана во всех наших программных документах по вопросам внутренней и внешней политики.

Судьбы русского языка на постсоветском пространстве, в первую очередь, зависят от судьбы России и русского народа. Если Россия станет центром притяжения постсоветских государств, то русский язык будет востребован не только их русским населением, но и всеми, кто хочет жить, работать и учиться в России, кому интересна русская культура и дороги связи с нашей страной.

Н.Ю. Булешова. Вы говорили о предложении, которое сейчас рассматривается, по введению второго гражданства для наших соотечественников, проживающих в постсоветских государствах...

А.В. Докучаева. К сожалению, оно не рассматривается. Оно отложено «в долгий ящик», и на него уже имеется отрицательное заключение правительства.

Н.Ю. Булешова. Я задала это вопрос потому, что, насколько я знаю, в бывших союзных республиках существует конституционное требование одного гражданства. То есть, даже если наша власть примет решение о предоставлении второго гражданства нашим соотечественни-

кам, живущим в этих странах, вряд ли с этим решением будут считаться тамошние власти и вряд ли это облегчит положение русского населения в этих государствах. Поэтому, может быть, и не имеет сейчас смысла предоставлять нашим соотечественникам право на получение второго – российского – гражданства?

А.В. Докучаева. Я говорю сейчас о том, что должна сделать Россия. Конституция РФ допускает наличие у граждан России двойного гражданства. Мне кажется, что наша власть, пытаясь решить задачи, стоящие перед страной, к сожалению, все время на кого-то оглядывается. Я считаю, что она должна дать возможность нашим соотечественникам, проживающим в странах ближнего зарубежья, получить второе российское гражданство. Для многих из них это будет серьезное подспорье. Я допускаю, что после этого шага наши соседи, опасаясь того, что они лишатся остатков квалифицированного русского населения, изменят свое отношение к этим людям, и поймут, что они не «пятая колонна», а нормальные граждане, воспринимающие эти страны как часть своей некогда большой и единой Родины. Может быть, эта российская инициатива, если она обретет силу закона, приведет к тому, что интеграционные процессы будут идти реально, а не только на бумаге, и что реально будет улучшаться положение русских в постсоветских государствах.

В.Б. Павленко. Русский язык – это инструмент российского геополитического влияния. Вы посмотрите, каким мощным фактором является русский язык в антироссийски настроенных республиках Прибалтики. Нам надо использовать это в полной мере. У вас прозвучала негативная характеристика казахских и украинских националистов. А что вы можете сказать о позиции русских националистов по вопросу о судьбе русского языка на постсоветском пространстве?

А.В. Докучаева. Русские националисты – разные. Я говорила о русских националистах-изоляционистах, которые выступают с лозунгами отделения Кавказа от России и рассуждают о необходимости возведения своеобразного «железного занавеса» между Россией и Центральной Азией, мигранты из которой оказывают негативное влияние на наш внутренний рынок труда. У меня недавно на одном из каналов телевидения состоялась дискуссия с К. Крыловым. Он категорически выступает против распространения русского языка среди узбеков, таджиков и т.д. Господин Крылов считает, что нам незачем учить русскому языку тех, кто здесь в России будут отбирать рабочие места у русских. Я, в свою очередь, считаю, что при разумном подходе мигранты из Центральной Азии не должны отбирать у коренного населения рабочие места, а должны использоваться там, где нужен труд, не требующий высокой квалификации. К тому же, если мы сделаем так, что к нам будут приезжать мигранты, знающие русский язык, знакомые с русской культурой, это приведет к снижению остроты межнациональных отношений и к смягчению криминогенной ситуации в стране.

Нашему государству необходимо думать о том, чтобы россияне имели преимущество на нашем внутреннем рынке труда по сравнению с мигрантами, что необходимо восстанавливать разрушенную за последние 20 лет систему профессионального образования. То есть при решении проблем, связанных с миграцией из постсоветских государств, необходим комплексный подход, а не шараханье из крайности в крайность под давлением сиюминутной конъюнктуры.

Я считаю, что нам не нужно закрываться от узбеков, таджиков, а уж тем более от киргизов. Киргизы – это вообще наш народ. Ч. Айтматов приобщил киргизский народ к великой русской культуре. Он сам стал частью русской культуры и он «облучил» русской культурой весь киргизский народ. В свое время интеллигенция всех бывших советских республик Средней Азии была «облучена» русской культурой. У меня есть один знакомый – чистый узбек. Он работает врачом. Он говорит про себя: «Я – советский националист». Он уехал из Ташкента потому, что, по его словам, в Москве все-таки осталась частица СССР, частица «Большой России». Он говорит, что не может и не хочет жить в том обществе, в котором произошла реставрация архаического, патриархально-кланового прошлого. Я, будучи русским человеком, наверное, тоже отношусь к «советским националистам».

А.И. Суздальцев. Не кажется ли вам, что вопрос о предоставлении нашим соотечественникам, живущим в постсоветских государствах, права на получение второго, российского, гражданства решить в ближайшем будущем не удастся? Я считаю, что нам не позволят решить этот вопрос. И Назарбаев, и Лукашенко, и некоторые другие лидеры постсоветских государств никогда не пойдут на официальное разрешение второго, российского, гражданства. Это, кстати говоря, хорошо показывает та ситуация, в которой оказалось русское население в Туркменистане.

А.В. Докучаева. Нам хорошо известна эта ситуация, когда в 2003 г. при решении с Туркменией вопросов по газу наш президент подписал протокол о прекращении действия соглашения между Россией и Туркменией о двойном гражданстве, подписанном еще в 1993 г. При этом «забыли», что около 150 тыс. наших соотечественников в соответствии с этим соглашением уже имели два паспорта. Никто не озаботился, как будет решена их судьба, как будут защищены их права в Туркмении. Паника, которая охватила русских в Туркмении после денонсации соглашения, получила широкий резонанс в интернете и прессе. Это заставило Россию провести переговоры с Туркменией, которая отсрочила санкции против «двоегравдан». Однако известно, что их продолжают увольнять с работы, а с 10 июля их вообще могут лишить туркменских паспортов, если они не откажутся от российского гражданства. И что будет с теми, кто имеет два паспорта – это большой вопрос. Мы как раз занимались этим вопросом и знаем, что даже на уровне президентов наша страна пока не может защитить бипатридов от преследований со стороны туркменского режима.

Н.В. Елисеева. Трудно не согласиться с тем, что одним из инструментов в деле интеграции постсоветского пространства является русский язык. Но позволю себе расширить этот тезис до понимания того, что инструментом интеграции постсоветского пространства является и продуманная образовательная политика России, направленная, в том числе, и на создание рынка гуманитарных образовательных программ для зарубежных соискателей.

Такая политика существовала в СССР. И она отвечала его национальным интересам, так как обеспечивала интеллектуальные ресурсы для сотрудничества на самых разных уровнях. Используя современную лексику, можно сказать, что СССР через систему подготовки зарубежных специалистов осуществлял «инвестиции» в зарубежный «человеческий капитал».

И сегодня государства, претендующие на роль мировых лидеров, используют международные образовательные программы для формирования своего благоприятного имиджа за рубежом и распространения своих ценностей в различных странах мира. Особенно показательна ориентация на собственные национальные интересы образовательной политики США. Приглашая на учебу студентов и преподавателей, американское правительство заботится о том, чтобы они изучали социальные науки, право, политологию, историю США. Так осуществляется переориентация элит этих стран и обеспечивается поддержка американских проектов интеграционного характера. Американские программы обучения советской элиты в ходе приобщения России к либеральным ценностям и перехода на новую социально-экономическую модель развития сыграли свою роль и в истории современной России. И сегодня США уделяют огромное внимание образованию: количество американских программ обучения зарубежных граждан достигло почти 400, а организаторами международной образовательной политики выступают более 40 министерств и независимых федеральных агентств. Эта стратегия «наведения мостов» между элитами через образовательные программы сориентирована на будущее, так как касается в первую очередь молодого населения.

России подобная образовательная стратегия необходима для расширения социальной базы сотрудничества со странами СНГ и Китаем, другими соседями. Обучение в России молодежи из этих стран по специальным программам, сориентированным на знания о России, могло бы содействовать появлению в этих странах заинтересованного в сотрудничестве класса специалистов. Готовы ли российские научные и учебные сообщества к разработке и реализации таких программ? Надеемся, готовы. Нароботан опыт по обучению студентов в рамках магистратуры (россиеведение и другие дисциплины в РГГУ), созданы оригинальные информационно-научные комплексы, способные передать весь спектр современных знаний о России. Их освоение позволит иностранным гражданам найти профессиональное применение в своих странах в качестве экспертов по России.

Такие программы способны не только влиять на международный имидж России, но и содействовать созданию в других странах российско-ориентированного интеллектуального (и кадрового) ресурса для продвижения идей сотрудничества, для разработки и реализации интеграционных проектов самого разного уровня. Особенно это касается бывших союзных республик. Ведь между ними и РФ стоит общее историческое прошлое, связывающее современную Россию – историко-культурную метрополию – с ее гуманитарным зарубежьем. Комплексная (многоплановая и многопрофильная) политика в этом вопросе могла бы стать инструментом интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Безусловно, от ученых и преподавателей высшей школы требуются новые подходы и компетентные решения в рамках проектного мышления. От власти требуется осознание перспектив образовательной политики, обращенной не только «вглубь», но и «вовне» – и политическая воля.

И.М. Кузнецов. Я хотел бы прокомментировать несколько прозвучавших здесь высказываний относительно роли мигрантов в современных процессах реинтеграции постсоветского пространства. Причем не с точки зрения политологии, а по материалам количественных исследований как самих мигрантов, так и принимающего (русского) населения.

Прежде всего, не стоит преувеличивать интеграционный потенциал мигрантов. Разумеется, среди мигрантов есть небольшая доля людей, которые хотят, чтобы Россия стала их второй родиной, Домом с большой буквы, жизненной средой для них и их детей. У этой части мигрантов – высокий интеграционный потенциал, но и не меньше проблем с реализацией этого потенциала. Но сейчас не об этом. Подавляющее большинство мигрантов приезжает в Россию отнюдь не из интереса к стране и ее культуре. Они приезжают решать проблемы экономического характера, возникшие у них на родине, они не собираются здесь жить постоянно, строить здесь свой дом. Их задача – заработать и уехать, или, что чаще, ездить в Россию как на работу. И знать им Россию, ее язык, порядки, обычаи... надо не более чем нам – то место, где расположен наш офис, поскольку мы там не живем. Поэтому все разговоры и усилия по их интеграции в российскую культурную среду, по ознакомлению их с культурой и историей России – это посыл без адреса. Они просто не мотивированы к этому. Все, что им нужно – это минимальные знания русского языка, достаточные для общения с работодателями и чиновниками ФМС, знания порядка аренды жилья и т.п.

При этом не надо забывать, что средний возраст нынешних мигрантов – 30–35 лет. Они выросли в других странах. Это уже не прежние «советские люди», «облученные русской культурой», многие из них просто не владеют элементарным русским языком. Какую информацию о России они смогут принести по возвращении на родину? Это зависит от приема, который им здесь оказывают. И здесь надо учитывать, что единственное, пожалуй, преимущество мигрантов перед местными работниками – дешевизна и готовность трудиться в рабских условиях. Если возложить на

работодателя обеспечение завозимых работников нормальным (пусть минимальным) социальным пакетом – достойное жилье, юридическая защита, медицинское обеспечение, духовное окормление, адекватная зарплата, – они просто станут невыгодны. В результате – практически полная неинтегрированность мигрантов (я бы сказал: неинтегрируемость – поскольку нет такой жизненной потребности у них), унижительные условия жизни и работы генерируют соответствующее отношение к стране. Плюс к этому присутствие в принимающей среде достаточно большой массы людей, живущих по стандартам, сильно отличающихся от стандартов принимающего населения, генерирует резко негативное отношение к ним. Вот именно эту информацию мигранты и принесут на родину.

И, наконец, само по себе негативное отношение к мигрантам серьезно меняет отношение тех же русских к «своим» (давно интегрированным, «старожилам») азербайджанцам, армянам, таджикам и т.п. Негативное отношение, например, к вьетнамцам переносится со временем на своих монголоидов, а это достаточно значительная часть автохтонного населения России. В результате запускаются тенденции к сецессии уже внутри РФ, причем снизу, а не как это было в 1990-х гг. в период «парада суверенитетов» – парада национальных элит в основном. И это – уже проблема национальной безопасности и целостности России. Так что на вопрос о том, способствуют ли мигранты (не те, каковыми они должны быть в наших мечтах, а каковы они есть без всяких «если бы») реинтеграции постсоветского пространства, я бы ответил сегодня отрицательно.

Ж.С. Сыздыкова. Несколько слов о перспективах взаимодействия России со странами Центрально-Азиатского региона (ЦАР).

После распада СССР прошло более 20-ти лет и новые страны ЦАР строят свои суверенные государства. В 1990-е гг. ЦАР перестал для России быть приоритетным. На его территории появился ряд внешних игроков. В первую очередь – Китай с его политикой «добрососедства» и США в связи с боевыми действиями в Афганистане. КНР наращивает свое экономическое присутствие и рассматривается в качестве источника займов для крупномасштабных инфраструктурных проектов в регионе. Важным источником доходов для ряда стран ЦАР являются США, которые вносят серьезный финансовый взнос в качестве арендной платы за использование военных баз. Индия, Турция, Иран и Пакистан активно присутствуют в ЦАР посредством реализации программ сотрудничества в экономической и культурно-гуманитарных сферах.

Ситуация стала меняться в 2000-е гг. с приходом к власти В.В. Путина и его команды. Обращается внимание на создание новых региональных структур с опорой на страны ЦАР. Казахстан, Киргизия и Таджикистан стали значимой составляющей политики РФ в ЦАР. Казахстан является одним из самых важных союзников России. Национальная безопасность и экономическое развитие Кыргызстана и Таджикистана во многом зависят от Москвы. Совсем другой характер носят отношения с Узбекистаном

и Туркменистаном. Отношения с Узбекистаном заметно улучшились в середине 2000-х гг., Ташкент присоединился к ОДКБ и ЕврАзЭС. Однако из-за возникших серьезных разногласий о том, как должны использоваться созданные механизмы, Узбекистан приостановил свое членство в ЕврАзЭС в 2008 г. и вышел из ОДКБ в 2012 г. Позиция «позитивного нейтралитета», занятая Туркменией, отделила ее от двусторонних соглашений с соседями по региону и с Россией.

Несмотря на то, что сами государства ЦАР не всегда положительно оценивают политику РФ в регионе, они не отказались от участия в региональных объединениях под эгидой Москвы. ЦАР в течение 20-ти лет превратилась из региона, представлявшего второстепенный интерес, в регион первостепенной значимости для внешней политики РФ. ЦАР неизбежно будет иметь непреходящее значение для реализации выдвинутой В.В. Путиным концепции ЕАЭС. Он также является важным элементом энергетической стратегии Москвы: Россия по низким ценам покупает энергоресурсы в ЦАР, использует их для удовлетворения внутренних потребностей, а собственные энергоресурсы поставляет на экспорт, обеспечивая национальный экономический рост. Россия стремится сохранить такую ситуацию, при которой энергоресурсы стран ЦАР не шли бы в обход России. Москва надеется на достижение соответствующих договоренностей со странами ЦАР, в том числе и с целью минимизации негативных последствий вывода натовских войск из Афганистана в 2014 г. и возможного ухудшения ситуации в связи с ростом терроризма, экстремизма и транзита наркотиков. От политики РФ в ЦАР во многом зависит будущее всего постсоветского пространства. А усиление центробежных тенденций во внешней политике республик бывшего СССР и разнотипность их внутривосточных порядков могут способствовать распаду постсоветского пространства как целостного политико-географического региона.

В.Б. Павленко. [Публикуемый текст выступления сокращен главным редактором С.В. Карпенко. – *Прим. редакции.*] Сегодня в науке господствует субъектно-объектный подход: объекты исследования рассматриваются не в динамике, а в статике. Поэтому так редко удается правильно ответить на важнейшие политические вопросы современности.

Теперь появился новый подход – проектный. Большую роль в его разработке в России сыграл крупный политический мыслитель С.Е. Кургинян. В рамках проектного подхода мировой политический процесс рассматривается как субъектно-субъектная игра, которая ведется с помощью глобальной миропроектной конкуренции. По Кургиняну, мир находится в стадии завершения проекта «Модерн», а все его основные субъекты заняты поиском нового проектного вектора. «Большой Запад» уходит в «Постмодерн». К теоретическому обоснованию этого процесса во второй половине XX в. была приспособлена теория модернизации. Эпигоны М. Вебера и Э. Дюркгейма подменили в ней модернизм постмодернизмом,

но не решились прямо переименовать теорию модернизации в теорию постмодернизации.

Дж. Талмон и У. Энгдаль называют нынешнюю западную демократию «тоталитарной», а К. Крауч – «постдемократией». «Постмодерн», который на ней паразитирует, – это идейно-политическая основа нового мирового порядка, который, по крупному глобалисту Ж. Аттали, включает мировые порядки сакрального (новую мировую религию), силы (глобализацию ЕС и НАТО) и денег (глобальное распространение Вашингтонского консенсуса с ведущей ролью доллара и ФРС США). Получается монополярный мир, в котором США и НАТО отводится роль силового инструмента в руках глобальной олигархии.

Межклановый консенсус глобальной олигархии формируется по принципу, который А. Гитлер предложил Э. Галифаксу, соавтору позорного Мюнхенскогоговора 1938 г. Управлять мировыми процессами предлагалось с помощью не «игры свободных сил», а «высшего разума», то есть путем закулисногоговора. Причем управлять так, чтобы перемены казались естественными. Галифакс с этим согласился.

В рамках этого проекта создана система институтов «Постмодерн» – открытых, закрытых и засекреченных. Перебрасывая, как об этом писал еще К. Маркс, из одних партийных «рук» в другие государственную власть, глобальные олигархи сохраняют за собой власть «концептуальную». С помощью Первой мировой войны ее вырвали из рук монархий. Вторая мировая и Холодная войны потребовались ввиду существования Советского Союза, появление которого оказалось «системным сбоем», отодвинувшим реализацию этого проекта как минимум на столетие.

Но Запад не только сам уходит в «Постмодерн», он еще и формирует себе союзника в лице контрмодернистского исламизма. Это радикальное извращение ислама является продуктом британских и американских спецслужб. Альянс западного «Постмодерна» с «Контрмодерном» «Большого Юга» – это проект завершения истории с помощью разделения человечества на изолированные касты узкого круга «господ» и опущенных в архаику «рабов» со сниженной на порядок численностью населения.

«Модерн» сегодня остается только на «Большом Востоке» (Китай, Индия, Юго-Восточная Азия). Россия же после распада СССР застыла в беспроектном периоде полураспада. Сдавшему страну либеральное прозападное лобби, проникшее с помощью и при поддержке Римского клуба в руководство КПСС и Советского государства, вслед за закрытием проекта «СССР», добивается завершения всей российской проектной преемственности. Ибо главным, осевым в этой преемственности является 500-летнее противостояние с Западом, а отнюдь не вхождение в него, которое нам навязывают с подачи Бжезинского и других идеологов глобализма.

Обращение к проектному подходу позволяет определить сущность современности как конъюнктурную попытку Запада отменить миропроектную конкуренцию и втянуть человечество в постмодернистско-

контрмодернистский альянс, завершив тем самым его историю. Это требует от нашей страны противопоставить Западу собственный проект и исполнить именно в этом и состоящую историческую миссию, которая обусловлена альтернативностью российской модели развития и ее ролью Катехона, то есть силы, удерживающей мир от сползания к концу времен.

Привнесение в российскую цивилизационную идею инноваций возможно, но только с адаптацией их к традиции.

Для России возврат к собственной религиозной традиции – непереносимое условие исторического выживания. Для этого нашей стране нужно вернуться в миропроектную конкуренцию. Ни в «Постмодерне», ни в «Контрмодерне» нам заведомо нет места. И то, и другое – это гитлеровский «Генеральный план “Ост”» в обновленном виде. И любые либеральные изыски в стиле «человек, а не индустрия» (например, В.А. Мау) – не что иное, как попытка оправдать ставку в человеке не на социальное, коллективистское начало, а на биологический, животный индивидуализм. Продолжение «Модерна» тоже невозможно, так как в России нет для проведения модернизации необходимых демографических ресурсов.

Поэтому наиболее эффективным выходом является «Сверхмодерн» – обновленный коммунизм в виде проекта «СССР 2.0» Кургиняна. Другой проект – религиозно-православный – тормозится глубоко укоренившейся секуляризацией и многоконфессиональностью российского общества. А православной общественности недостает понимания того, что главными врагами являются либералы, а коммунисты – естественные союзники РПЦ в борьбе за российскую историю и идентичность.

Поскольку Российская Федерация – это фаза полураспада большой, единой страны, то, если не произойдет постсоветской реинтеграции, распад возобновится и дойдет до конца. Однако реинтеграция – необходимое, но недостаточное условие. Одно дело, если она осуществится на собственной проектной основе «Сверхмодерна», и другое, если интеграция произойдет в рамках глобально-олигархического «высшего разума». Тогда глобализация будет продолжена, а сама идея исторического воссоединения постсоветского пространства будет дискредитирована.

С.Ю. Разин. У меня к вам два вопроса. Первый: не кажется ли вам, что взлет «Большого Дальнего Востока» – это, в значительной мере, результат усилий западной экономической и политической элиты, которая в свое время активно содействовала укреплению Китая и создавала из него противовес Советскому Союзу? Вопрос второй: есть ли у нас в стране ресурсы для проведения новой модернизации, и правильно ли говорить о том, что сегодня стране необходима модернизация?

В.Б. Павленко. На первый вопрос вы наполовину ответили сами. Конечно, Запад использовал Китай против Советского Союза. В глобальном геополитическом треугольнике «Запад (во главе с США) – Россия – Китай» проигрывает тот, против кого объединяются двое остальных.

В 1972 г. США объединились с Китаем против СССР – и СССР, в конечном итоге, проиграл.

По поводу второго вопроса хочу сказать, что модернизация – это процесс перехода к «Модерну», то есть к индустриальному обществу. Этот переход Россия уже пережила. Последним его этапом была сталинская модернизация. Модернизация осуществляется за счет того, что в большом количестве берется дешевая рабочая сила из деревни и бросается в городской, фабрично-заводской уклад, в котором бывшие крестьяне переплавляются в пролетариев. Хочу напомнить, что у нас в стране переход от традиционного общества к индустриальному в конце XIX – первой половине XX вв. сопровождался мощным демографическим взрывом. В современной России ситуация диаметрально противоположная. У нас сегодня нет демографических ресурсов для проведения новой модернизации. Нам нужен другой путь.

Какой? Я думаю, что либеральный эксперимент, который проводился над страной в течение 25-ти лет, потерпел крах. Из этого необходимо сделать один очень простой, но воплощенный в практических действиях вывод: нам необходимо заменить во власти ту часть правящей элиты, которая ориентирована на Запад, элитой, способной отстаивать национальные интересы страны и выйти на другую траекторию развития.

В.Г. Хорос. У меня реплика по поводу выступления В.Б. Павленко.

Общий пафос его выступления, его беспокойство за будущее России мне близки. Но некоторые присущие ему ходы мысли и размашистые идеи – характерные, кстати, и для ряда других представителей отечественного радикализма – мягко говоря, не приближают нас к пониманию реальностей современной российской ситуации и нашего будущего. Например, то, что Римский клуб продвигал «либеральное прозападное лобби» в руководство КПСС; что смыслом Российской цивилизации, «преемственности» является 500-летнее противостояние с Западом; что миссия России в мире – это Катехон, то есть сила, удерживающая мир от сползания к концу времени; что для России сегодня необходим не «Модерн», не «Постмодерн», а «Сверхмодерн», то есть «обновленный коммунизм» и прочее. Может быть, все это звучит красиво, но, увы, не продвигает наше познание окружающего. В том числе потому, что упрощает некоторые черты или тенденции прошлого и современного, превращает их в материал для выдвигания броских лозунгов.

Скажем, трудно согласиться с утверждением, что Россия уже «пережила» (в сталинские времена) стадию модернизации, что у нас «нет демографических ресурсов для проведения новой модернизации», то есть «дешевой рабочей силы из деревни», которая «бросается в городской, фабрично-заводской котел». Модернизация – это общемировой процесс, он не сводится лишь к индустриализации, но предполагает обновление во всех сферах – экономической, политической, социальной, культурной. В нашей стране модернизация была частичной, незавершенной, а теперь

вообще налицо признаки демодернизации. Поэтому в сегодняшней России без завершения модернизации (конечно, не в сталинских формах) не пройдут никакие прыжки в «Сверхмодерн» или «обновленный коммунизм». Да еще при этом надо вписать подобную «домодернизацию» в контекст Российской цивилизации, ее базовых ценностей.

Когда большевики в России пошли на революцию, они уже имели ее программно-теоретическое обоснование (не будем сейчас обсуждать, что в этом обосновании «ложилось» на тогдашнюю объективную реальность, а что нет). Сейчас я такой программно-теоретической базы не вижу. Хотя поиски ведутся. Поэтому мне близок постоянно повторяющийся рефрен-призыв в публикациях А.И. Фурсова о необходимости создавать новую социальную науку, ибо история значительно усложнилась, и необходимы серьезные теоретические инновации, включая обнаружение субъекта принципиальных изменений. А без этого эффектные лозунги и тезисы, во многих случаях являющиеся просто бездоказательными предположениями, не станут организующим ресурсом.

А.В. Чертищев. Россия, наверное, самая уникальная страна по уровню мифологичности отношения к действительности и перспективам дальнейшего развития. В ее длительной эволюции выделяются консервативно-монархический миф досоветской России («имперский миф») и марксистско-ленинский («коммунистический») миф. После того как стройная мифологическая система коммунизма рухнула, возникший идеологический «вакуум» стал стремительно заполняться за счет формирования новых социально-политических мифов, создаваемых представителями различных социальных групп. Крайне непродолжительное время существовал либерально-демократический миф, в результате деградации которого россияне перестали верить государству и воспринимать себя полноправными гражданами, имеющими возможность влиять на власть посредством демократических институтов. Этот кризис породил запрос на замену либеральной мифологии консервативно-охранительной, антизападной (сплав неосталинизма и псевдоимперскости), базирующейся на апеллирующей к имперскому сознанию мифологеме мессианства русского народа и противопоставлении России развитым странам, условно именуемым «Западом», бездуховные и эгоистические либеральные ценности которого якобы полностью чужды русскому менталитету. Крушение мифологий приводит к утрате национально-государственной идентичности.

Кто мы сегодня? Выясняется, что к другой, несоветской, жизни мы оказались не готовы ни умом, ни душой. У нас сейчас нет ни исторического государства, ни духовного смысла, ни великих идей, мыслей и чувств о будущем. Более чем через 20 лет после распада СССР для подавляющей части российского народа все самое ценное и значимое заключено именно в 70-летней советской истории. Мы привыкли к «выживанию», «жизни в катастрофе», а страна напоминает приют для беспризорных с какой-то неустроенностью везде. Складывается ощущение, что она, страна, не

принадлежит тебе. О «стабильности» же можно говорить лишь в следующем контексте: одни живут стабильно хорошо, другие стабильно плохо, стабильны агрессия, жестокость, идеологичность, нетерпимость к иному, патологическая зависть и ложь, халтура во всем, полное обесценивание человека, его достоинства и личности, стабильно растут цены и масштабы коррупции... Возможно, от утраты веры в себя, в нашу способность жить и творить как все «благополучные» народы, и возникла нынешняя – новая и одновременно старая – мода на особый русский путь.

Куда и как пойдет Россия? Оценивая перспективы нашей страны, к вариантам ее дальнейшего развития в самом общем виде необходимо отнести следующие.

Гибельный вариант – дальнейший распад РФ, формирование конгломерата государств на базе таких регионов как Центральная Россия, Кавказ, Краснодарский край, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток и т.д.

Пессимистический вариант – превращение России в некую внутреннюю колонию, народ которой используется в основном для охраны национальных богатств, эксплуатируемых в интересах узкого круга людей.

Реалистический вариант – осознание выхода России из исторического и духовного тупика (что очень важно, но и не более того!). Началось не строительство еще более научного «научного коммунизма», а происходит фундаментальное и системное возвращение к обычному историческому процессу, в котором может быть все: и славные победы, и тяжелые неудачи. И ценность его в том, что он дает шанс как на выживание, так и на великие свершения.

Оптимистический вариант – достижение национального величия, возрождение Российской империи, обеспечение благоденствия страны. Не касаясь других глобальных целей, заострим внимание на несколько крамольной мысли: наши упования на собирание в недалеком будущем «тела» новой/старой Империи весьма иллюзорны. Ибо, как свидетельствуют события 1917 г. и рубежа 1980–1990-х гг., у народов, населяющих нашу страну, не было общего отечества – России/СССР, – с коими без особого сожаления в удобный момент и расстались. И сегодня они готовы к разнообразному «сотрудничеству» с Россией (готовы принимать помощь, получать образование и работу, просить защиту), но, как выясняется в частных беседах, ни советское, ни тем более молодое поколение, «под Россию» идти не хотят. «Старший брат» им больше не нужен.

Утопический вариант – порвать со всяким прошлым, как с царским, так и с коммунистическим, и строить новую Россию с нуля, на основе идеалов свободы и прав человека.

В любом случае России предстоит сделать непростой экзистенциальный выбор, в основе которого должны лежать одна, но тройственная панацея (уповать на Бога, сохранять трезвый взгляд на Реальность и говорить Правду) и главный принцип (высшей ценностью является не

земля, не государство, а человек, живая личность). Выбор этот во многом будет определяться тем, осознаем ли мы неразрывную связь с тысячелетней Россией или продолжим поклоняться коммунистическим, советским идолам. Емко и точно заметил по этому поводу И. Губерман:

Хотя и сладостен азарт
По сразу двум идти дорогам,
Нельзя одной колодой карт
Играть и с дьяволом, и с Богом...

Н.Ю. Булешова. Сегодня Россия должна определиться со своей ролью на постсоветском пространстве. Конечно, воссоздание СССР невозможно. Но что нас ждет впереди? Как будут развиваться наши отношения со странами-соседями? Я считаю, что интеграционные процессы, идущие сегодня в разных регионах мира, должны стать примером для постсоветских государств. Тем более что существует целый ряд факторов, способствующих созданию на постсоветском пространстве мощной региональной интеграционной группировки. К их числу относятся: сложившееся в рамках единой союзной экономики и, в определенной мере, существующее до сих пор разделение труда между бывшими республиками СССР, культурно-историческое единство народов, технологическая взаимозависимость и единые технические нормы, действующие в постсоветских государствах.

Однако процессы, которые сегодня идут на постсоветском пространстве, противоречивы и неоднозначны. Сегодня, как и 20 лет назад, далеко не всегда удается найти компромисс между экономической целесообразностью и корпоративными интересами политических элит постсоветских государств. Развитию интеграционных процессов в Евразии противодействуют силы, не заинтересованные в появлении на мировой арене нового сильного геополитического и геоэкономического игрока. К ним, в первую очередь, относятся США. По мнению Бжезинского, первоочередный интерес США состоит в том, чтобы евразийское геополитическое пространство как можно дольше оставалось «бесхозным».

Тем не менее, страны региона осознали, что настала пора повернуться от национальных амбиций к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству. Мировой экономический кризис и та помощь, которую Россия в условиях этого кризиса оказала некоторым странам-членам СНГ, дали толчок новому витку евразийской интеграции. Сегодня стало понятно, что в экономической интеграции должны принимать участие те страны, которые готовы поступиться какими-то своими интересами ради достижения стратегических целей, во имя которых создавался Таможенный союз. Создание его было хорошо продуманным шагом, который привел к тому, что ежегодно увеличивается беспрошленный оборот товаров и растет грузопоток по нашим единым транспортным коридорам. Появляется возможность установления внутренних таможенных пошлин, налоговых каникул и дотаций для сельского хозяйства. Страны-члены

Таможенного союза получили экономический щит против выпадов извне и «страховочный ремень» от неизбежного колебания биржевых цен на нефть и газ. По расчетам ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, суммарный эффект от деятельности Таможенного союза к 2015 г. составит примерно 400 млрд долл. Участники Таможенного союза должны за счет интеграции получить дополнительно около 15 % прироста ВВП. Только за 2011 г. взаимная торговля стран Таможенного союза составила 108,3 млрд долл.

В то же время интеграция в рамках Таможенного союза таит в себе определенное противоречие, которое состоит в том, что она ведет к усилению конкуренции между предприятиями разных стран в некоторых отраслях экономики (металлургия, строительство, агропромышленный комплекс, торговля) и к потере бюджетных доходов.

Но, по моему мнению, повышение конкуренции на внутреннем рынке Таможенного союза для подавляющего большинства отраслей будет несущественным. А в тех отраслях, где это все же произойдет, общий экономический эффект будет положительным. Такой эффект будет достигнут за счет снижения монополизации рынков и приближения к равновесным ценам.

Б. Смит. Тема моего выступления – «Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность».

Наша политика в отношении Содружества Независимых Государств и стран-членов этой организации является неотъемлемой частью глобальной политики США. Эта политика базируется на трех составляющих.

Первая составляющая – это стремление к взаимовыгодному сотрудничеству со всеми странами, в том числе и с Россией. Наш президент Б. Обама исходит из того, что эпоха противостояния между США и Россией ушла в прошлое. Он считает, что у наших стран есть новая стратегия взаимоотношений, у нас есть новые возможности договориться друг с другом и найти общий путь к будущему.

Вторая составляющая – это взаимное уважение. Здесь я хочу процитировать нашего президента, который, находясь в Москве в июле 2009 г., сказал следующее: «Для начала скажу прямо: Америка хочет, чтобы Россия была сильной и процветающей страной. Это утверждение основывается на уважении к российскому народу и той общей истории, которая связывает наши страны. Несмотря на соперничество в прошлом, наши народы были союзниками во время Второй мировой войны. Это значит очень много для нас и для вас. Давайте не забывать об этом».

Третья составляющая – это представление о том, что все проблемы, которые сегодня существуют в мировой повестке дня, носят глобальный характер и могут решаться только комплексно.

Если говорить о ценностях и их роли в нашей внешней политике, то, как сказал Обама, выступая на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2010 г., Америка поддерживает универсальные демократические ценно-

сти, так как это высоконравственные и действенные ценности. Распространение демократических ценностей и поддержка их носителей – это приоритетное направление нашей внешней политики.

Если продолжать разговор о приоритетах нашей внешней политики, то, я думаю, не открою никому никакой тайны, если скажу, что главной задачей американской внешней политики в ближайшее время является завершение войн в Ираке и Афганистане. К этому добавляется борьба против «Аль-Каиды» и других глобальных террористических сетей.

При этом должен сказать, что в нашей современной внешней политике особое место занимает дальневосточное направление. Тем не менее, мы не забываем о наших союзниках в Европе и в других точках мира.

Еще один приоритет – это, конечно, решение проблемы нераспространения ядерного оружия. Для решения этой проблемы мы очень тесно работаем с Россией и Казахстаном.

Администрация президента Обамы исходит из того, что для решения глобальных проблем необходимо взаимодействовать со всеми странами мира: и с нашими друзьями, и с нашими партнерами, и с нашими врагами. США очень тесно работает с партнерами по Совету Безопасности ООН и другим международным организациям для укрепления международных отношений и международных институтов.

Хочу сказать, что важное место в нашей политике занимает экономическое сотрудничество со странами СНГ. Мы понимаем, что чем лучше работают экономики постсоветских государств, тем лучше для региональной стабильности и для ситуации во всем мире.

В.Б. Павленко. Согласны ли вы с тем, что заявление Х. Клинтон, сделанное ею на саммите АТЭС в Гонолулу, символизирует начало новой тихоокеанской политики США?

Б. Смит. На мой взгляд, это заявление может означать начало не военно-политической, а геоэкономической переориентации США на Азиатско-Тихоокеанский регион. Было еще одно заявление Х. Клинтон, посвященное постсоветскому пространству. Я считаю, что оно было вызвано не опасением по поводу возрождения СССР, а недостаточной осведомленностью Вашингтона в вопросах евразийской интеграции. Евразийская экономическая комиссия была создана только в феврале 2012 г. и существует чуть больше года. Наше посольство сейчас довольно активно работает с этой организацией. Это необходимо для того, чтобы лучше понимать ее цели и планы на ближайшие два года. Мы хотим понять, как евразийская интеграция повлияет на нашу экономику, на бизнес наших компаний, работающих в России и в других постсоветских государствах. Мы хотим, чтобы рынки этих стран были открыты и чтобы правила игры были равными для всех. Когда появляется новая интеграционная структура, то такие вопросы возникают – и их необходимо решать. Чем больше все заинтересованные стороны будут сотрудничать с этой организацией, тем будет лучше для всех.

С.В. Фокин. Что сейчас преобладает в политике американской администрации – ориентация на использование «жесткой силы» или ориентация на использование «мягкой силы»?

Б. Смит. В данный момент в администрации Обамы преобладает ориентация на использование «мягкой силы». Как у нас говорят, Америка – это открытая книга. Мы всегда рады возможности рассказать о многообразии нашей культуры, о сильных сторонах нашей экономики и важности наших ценностей. Чем больше людей смогут приехать и узнать Америку на собственном опыте, тем лучше.

Н.Ю. Булешова. В современной внешней политике США приоритет отдается развитию двухсторонних отношений с каждой из республик бывшего СССР? Или развитию отношений с какими-то конкретными интеграционными объединениями, существующими сегодня на постсоветском пространстве?

Б. Смит. Мы строим двухсторонние отношения с каждым постсоветским государством, основываясь прежде всего на уважении и поддержке его суверенитета. Мы считаем, что вопрос о том, в какое интеграционное объединение вступать – это внутреннее дело каждой страны. Так что если Беларусь, Казахстан и Россия решили создать ЕАЭС – пожалуйста, мы этому не должны и не будем мешать.

П.Т. Подлесный. Мое выступление посвящено теме «Политика США на постсоветском пространстве». Сразу скажу, что политика США на постсоветском пространстве была отнюдь не безобидной для России.

Давайте вспомним некоторые факты из совсем недавней истории. Кто является автором идеи строительства нефтепровода «Баку–Джейхан»? – З. Бжезинский и администрация Б. Клинтона. По чьей инициативе была создана организация ГУУАМ? – По инициативе США в противовес СНГ. Какова роль США в цветных революциях на постсоветском пространстве?.. – Если говорить о «цветной революции» в Грузии, то, на мой взгляд, американцы пришли к выводу, что пора Э. Шеварднадзе подыскать замену и отправить его на покой. В результате «цветной революции» к власти был приведен М. Саакашвили. Теперь давайте вспомним, как выводились российские войска из Прибалтики в начале 1990-х гг. Что делали американцы в Прибалтике в 1993–1994 гг.? Переговоры по этому вопросу американцы вели с нами с позиции силы. Лозунг этих переговоров был такой: «Америка победила в Холодной войне! Убирайтесь!» В максимально короткие сроки было подготовлено соглашение о выводе российских войск. Не было даже варианта текста этого договора на русском языке, вот как спешили. Россия вынуждена была в спешном порядке выводить свои войска из Прибалтики.

Американцы сделали еще две вещи, которые испортили российско-американские отношения в 1990-е гг.

Первое – прием в НАТО наших бывших союзников. Когда российское руководство предложило американской администрации соглашение,

согласно которому у США сохраняется свобода рук в смысле приема восточноевропейских и балканских стран в НАТО, но при этом США должны были взять на себя обязательство не принимать в НАТО республики бывшего СССР, Б. Клинтон, по сути дела, отверг это предложение. В результате сложилась идиотская ситуация, при которой Россия, являясь второй европейской державой, не имеет права голоса в решении вопросов европейской безопасности.

Второе – намерение администрации Дж. Буша-младшего разработать план подготовки Грузии и Украины к вступлению в НАТО. Вы можете себе представить, что было бы, если бы Украина вступила в НАТО, и Черное море было бы заполнено натовскими кораблями? Слава богу, что военные события 2008 г. в Грузии перечеркнули все эти планы. Мы должны поставить памятник Саакашвили за то, что он своими опрометчивыми действиями по отношению к Южной Осетии очень надолго отложил вступление Грузии в НАТО.

В заключение хочу сказать, что кризис 2008–2009 гг. очень многое расставил в мировой политике, в целом, и в отношениях между постсоветскими государствами, в частности, по своим местам. Из постсоветских государств с кризисом своими силами справились только Россия и Казахстан. Остальных пришлось России вытягивать, выручать. Что дальше? Сегодня никакой реальной альтернативы евразийской интеграции нет. Единственной разумной политикой для постсоветских стран является именно евразийская интеграция.

С.Ю. Разин. Сегодня здесь уже был упомянут президент Н. Назарбаев, поэтому хочу несколько слов сказать о политике руководства Казахстана. У меня давно сложилось впечатление, что Назарбаев и его окружение ведут двойную, а то и тройную геополитическую игру. Вспомните события 1990–1991 гг.: Казахстан и республики Центральной Азии с юридической точки зрения не выходили из состава СССР. Их, по сути дела, вытолкнули оттуда. Распад СССР стал, на мой взгляд, практически неизбежен после того как Россия, первой из союзных республик, приняла Декларацию о государственном суверенитете. Затем, уже после распада СССР, Назарбаев выдвинул идею ЕАС. И сегодня он часто повторяет это предложение. Но, вместе с тем, выступая совсем недавно в Стамбуле, он говорил о «Великом Туране» и о том, что Казахстан был «колонией СССР».

П.Т. Подлесный. Вспомните, что сделал Назарбаев сразу же после распада СССР. Он перевел столицу Казахстана из Алма-Аты в Астану. Почему он это сделал? Потому что он испугался России, в которой тогда существовали идеи о необходимости вернуть себе Крым, Северный Казахстан и некоторые другие территории, входящие в состав других республик.

Должен сказать, что Назарбаев добился за годы независимости для своей страны многого. Ему это удалось потому, что он проводит взвешенную, разумную, многовекторную политику. И в этом его серьезное отличие

от украинских и белорусских политиков. Чего украинские и белорусские политики добились за эти 20 лет для своих стран? Ничего. Ни Украина, ни Беларусь, апеллирующие то к Брюсселю, то к Москве, сегодня самостоятельными геополитическими игроками не являются.

А.В. Чертищев. А, чего, например, должен был добиться Лукашенко?

П.Т. Подлесный. Лукашенко стремится жить на наши деньги.

А.В. Чертищев. Так он этого и добился.

П.Т. Подлесный. Он этого добился. Но вы знаете, какая была борьба в процессе создания Союзного Российско-Белорусского государства? Вы знаете, что Лукашенко хотел стать президентом Союзного государства? Тогда Чубайс пошел к Ельцину и убедил его отказаться от подписания предложенного Лукашенко варианта договора о создании союзного государства. Сделано это было во многом для того, чтобы преградить дорогу Лукашенко в Кремль. А что предложил Лукашенко Путин после своего прихода к власти? Он предложил Лукашенко три варианта: либо Беларусь вступает в РФ в качестве единой административно-территориальной единицы, либо каждая область Беларуси вступает в РФ, либо Беларусь входит в состав Союзного государства на тех условиях, что главенствующую роль в нем будет играть РФ. Эти предложения явно не понравились Лукашенко. После этого процесс создания Российско-Белорусского Союзного государства застопорился.

А.В. Чертищев. По-моему, большинство белорусского народа не жалеет о том, что у них есть независимое государство, и о том, что руководителем Беларуси является Лукашенко. Поэтому я думаю, что не стоит так сильно критиковать Лукашенко.

П.Т. Подлесный. Я выступаю против излишнего возвеличивания Лукашенко и белорусского опыта. Беларусь целиком и полностью зависит от России. Прекрати завтра Россия давать кредиты и сократи поставки нефти – Беларусь станет областью в составе России.

Здесь прозвучала мысль о необходимости восстановления империи. Я считаю, что нам надо забыть об этом на десятилетия, если не навсегда, и ограничиться тем, что сейчас делает наше руководство. Это сегодня должно быть первой заповедью для нашей политической элиты. Почему? Потому, что на империю сегодня у России нет средств. Вы меня извините, господа, я, ученый с 45-летним стажем, получаю «чистыми» 25 тыс. руб.

П.П. Марченя. Об империях – отдельный разговор. Но не могу не отреагировать на прозвучавшую фразу, что Россия – это «вторая европейская держава». Я все-таки хочу подчеркнуть, что мы были и остаемся первой европейской державой – и не на этом нашем круглом столе об этом забывать.

П.Т. Подлесный. Извините, но это не так. Экономика ЕС сегодня намного мощнее, чем российская экономика.

С.Ю. Разин. А разве критерии державности сводятся только к экономическим показателям?

П.Т. Подлесный. Не только. Но, тем не менее, сегодня первой державой в мире в военно-политическом и экономическом плане являются США. Вторая держава – это Китай. Он отстает в развитии социальной сферы, но обладает серьезной военно-политической и экономической силой. На третьем месте – ЕС.

П.П. Марченя. По-моему, очевидно, что ЕС в отличие от России единой суверенной державой не является. Некорректно, и даже опасно, путать Империю с квазиимперией. ЕС никак не может считаться империей в том смысле, в котором остается империей Россия. Даже после имперской катастрофы конца прошлого века. ЕС представляет далекое от державного единства множество суверенных государств, ни одно из которых, ни даже все вместе, не в состоянии равняться с Россией по масштабам – ни по территории, ни по ресурсам.

А.Н. Михайленко. Я просто не могу не отреагировать на прозвучавшую здесь мысль о двойной или даже тройной геополитической игре Казахстана. На мой взгляд, так и должно быть – так и есть во всем мире. Мы иногда приравниваем национальные интересы к интересам интеграционной группировки, в которую входит страна. Но интеграционная политика – это только один из множества инструментов реализации национальных интересов. Когда мы говорим о двойной политике, двойных стандартах, то подразумеваем, что какие-то действия производятся неофициально, втихую: это ведь неловко, когда тебя обвиняют в лицемерии. Но Назарбаев в этом отношении чист: он открыто заявил о том, что считает целесообразным создание Центрально-Азиатского союза, причем написал об этом в программной статье в «Известиях» – «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего».

Другое дело, что у нас в России нередко считают, что любые региональные объединения на постсоветском пространстве, в которых Москва не участвует, по определению являются антироссийскими. Но мы почему-то не думаем о том, как воспринимают те же центрально-азиатские страны только что подписанный в Санкт-Петербурге контракт России с Китаем на 270 млрд долл. – то есть на порядок больше нашей торговли с этими странами. Мы ведь тоже не все яйца складываем в одну корзину!

И буквально несколько слов о евразийской интеграции. В России этому проекту уделяется первостепенное внимание. В его развитии достигнуты определенные успехи, хотя в последнее время процесс немного затормозился. Меня тревожит то, что в настоящее время это в большей степени – верхушечный процесс, не касающийся широких масс населения, среднего и малого бизнеса. А всякий верхушечный процесс подвержен субъективной конъюнктуре. Конечно, безусловная поддержка этого проекта президентами всех трех стран крайне важна в условиях наших политических систем. Здесь неоднократно звучали сопоставления с опытом ЕС.

Так вот, обратите внимание: Латвия вступает в еврозону вопреки мнению большинства населения, зато политическое руководство выступает за вступление. И все же только широкий охват населения идеей евразийской интеграции, участие в ней масс делает этот процесс необратимым.

Еще одно обстоятельство привлекает внимание. Три страны вышли на уровень Таможенного союза в 2010 г., на уровень Единого экономического пространства – в 2012 г. А уже в 2015 г., если будут решены поставленные задачи, мы должны достичь уровня экономического союза. Каждую из этих ступенек экономической интеграции ЕС проходил по десятку лет, а мы их перемахиваем за два–три года. Очевидно, что это революционное развитие, а не эволюционное, о котором часто пишут и у нас, и в других странах «тройки». Революции, как известно, характеризуются прорывами в решении стратегических задач, но ведь они же могут приносить и провалы. К этому нужно быть готовыми.

Еще одна проблема развития евразийской интеграции связана с расширением ЕЭП. Сейчас стоит вопрос о присоединении к «тройке» Киргизии, а также ведется работа по привлечению к этому проекту Украины. Опыт ЕС говорит о том, что если страна не готова к вступлению в интеграционный союз, то даже серьезные геополитические обоснования не оправдают ее прием, потому что из-за этого данный союз внутренне ослабнет. Очевидно, что Киргизия не готова к интеграционному взаимодействию экономически, а Украина – политически. Поэтому я бы предложил применить принцип постепенности в вопросе об их приеме в состав ЕЭП.

О.Д. Абрамова. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., отмечено, что Россия считает приоритетной задачу формирования ЕАЭС, призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств. Мировой опыт показывает, что региональная интеграция оказывает положительное влияние на конкурентоспособность страны, способствует открытости национальных рынков и созданию единого регионального рынка, обостряет конкурентную борьбу, положительно влияет на инвестиционный климат, усиливает приток капитала в те страны, которые в ней участвуют, создает возможности для ускоренного инновационного обновления производства, приводит к более свободному обмену знаниями и образованию новых сильных объединений, которые становятся активными игроками на мировой арене.

Важнейшей проблемой в этой связи становится проблема конкурентоспособности национальных экономик постсоветских государств. При этом оценки ведущими международными организациями и аналитическими центрами рейтинга конкурентоспособности российской экономики и делового климата страны меняются весьма незначительно. Исследования Всемирного экономического форума показывают, что по

многим экономическим показателям Россия входит в число 10–20 % стран с наихудшими значениями. Так, по индексу глобальной конкурентоспособности Россия в 2012 г. заняла только 67-е место. Конкурентные позиции российской экономики находятся на уровне или выше среднестрановых значений по таким показателям как «инфраструктура», «технология», «труд», «правительство», «менеджмент» и «финансы». Но по таким важным показателям как «управление», «институциональная среда», «открытость экономики» – Россия занимает низкие места. Перспективы экономического роста РФ создатели индекса связывают в первую очередь с факторами, которые лежат в сфере повышения эффективности, в то время как инновационный и ресурсный факторы в настоящее время, по их мнению, сдерживают этот рост. Незначительно меняется и ежегодный индекс конкурентоспособности (IMD World Competitiveness Yearbook) российской экономики. По данным швейцарского Института развития менеджмента (IMD), российская экономика находится в завершающей части рейтинга: в 2012 г. – 48-е место, в 2011 г. – 49-е место (из 59-ти стран). В этой связи стоит обратить внимание на Казахстан, рейтинги которого по итогам 2012 г., существенно выросли: 51-е место по оценке ВЭФ, 32-е место – IMD.

Следует сказать, что и Россия, и Казахстан, и Беларусь, будучи участниками Таможенного союза – наиболее развитого интеграционного объединения на постсоветском пространстве, – обладают значительными конкурентными преимуществами: выгодным геополитическим положением, богатыми природными ресурсами, цивилизационной общностью, высоким образовательным и научным уровнем, рядом уникальных производств (прежде всего в космической и оборонной отраслях).

Важнейшей задачей, которую необходимо решить в ближайшее время, является разработка общей конкурентной стратегии. Такая стратегия позволит странам–участницам Таможенного союза определить векторы и приоритеты развития и эффективно использовать, имеющиеся у них конкурентные преимущества. В конечном счете, реализация этой стратегии может привести к достижению высокого уровня конкурентоспособности, необходимого для достойного существования в сложных условиях жесткой глобальной конкурентной среды.

О.Г. Леонова. В условиях глобализации каждая крупная страна – Бразилия, Нигерия, ЮАР, Индия и т.д. – работает над созданием своего регионального проекта. Региональные державы инициируют интеграционные процессы в своих геополитических регионах и создают региональные системы. Для создания полноценной региональной системы, необходимо сочетание потребностей стран–будущих членов региональной системы, возможностей страны–потенциального регионального лидера, а также необходимых условий для ее формирования.

На постсоветском пространстве есть объективные потребности независимых республик в гарантии собственной безопасности и стабильности

политических режимов, потребности в энергетическом сотрудничестве, развитии экономических связей, заключении преференциальных торговых соглашений, привлечении инвестиций со стороны регионального лидера. Для оформления полноценной региональной системы Россия имеет все необходимые условия: наличие независимых проинтеграционных институтов и групп, заинтересованных в реальной интеграции; отсутствие торговых, таможенных, миграционных и других барьеров внутри региона; комплекс надгосударственных органов с реальными полномочиями руководства политико-экономическими и военно-стратегическими процессами интеграции; наличие политической воли для преодоления сопротивления бюрократического лобби, чьи интересы могут оказаться ущемленными в процессе снятия внутрорегиональных экономических барьеров. Для реализации статуса региональной державы Россия имеет также необходимые экономические, политические, военные и гуманитарные возможности и ресурсы, отвечающие потребностям стран-партнеров.

Поддержание лидерства в регионе требует от региональной державы использования всего спектра средств в международной политике. Это экономические рычаги (субсидии и инвестиции, демпинговые цены на энергоносители или стратегические продукты), военные (присутствие воинских контингентов, продажа вооружения в кредит или по льготным ценам), а также культурная экспансия и методы «мягкой силы».

Россия использует далеко не весь набор необходимых инструментов для поддержания интеграционных процессов. Поэтому создание региональной системы на постсоветском пространстве наталкивается на определенные трудности. Европейские соседи России – Украина и Молдавия – сегодня открыто заявляют о своем европейском выборе. После победы на выборах В.Ф. Янукович заявил, что Украина будет внеблоковым государством, продолжит партнерство с НАТО, отношения с ЕС были и остаются для нее приоритетными, а одной из главных задач внешней политики страны является получение ассоциированного членства в ЕС, введение безвизового режима и создание зоны свободной торговли с ЕС... Европейская интеграция в «Стратегии развития Молдовы до 2025 года» названа одной из важнейших стратегических задач внешней политики Молдавии. Для этих стран европейский геополитический выбор – это выбор в пользу более привлекательной модели развития.

Странам СНГ в первую очередь нужны газ, инвестиции и технологии. Россия же пока может предоставить им только ядерный зонтик как гарантию национальной безопасности. Но в контексте укрепления сотрудничества этих стран с НАТО, США, Китаем, их стратегии вступления в ЕС такое предложение выглядит анахронизмом Холодной войны.

О.Г. Буховец. Поставим вопрос: есть ли альтернатива курсу на евразийскую интеграцию? Развернувшиеся в 1980–1990 гг. процессы дезинтеграции Советского Союза и «соцлагеря» многими в мире воспринимались как исторический нонсенс. Ведь именно в то время быстро

набирала силу глобальная тенденция создания либо дальнейшего развития уже существующих в различных регионах мира стратегических интеграционных объединений. Самое видное место среди них – по масштабам, амбициозности планов, беспрецедентности достижений – занимал ЕС. Если говорить образно, то «корзина ожиданий» России и других независимых государств постсоветского евразийского пространства от Запада в первое постсоветское десятилетие была очень большой. Там были и надежды на содействие западного сообщества в деле перевода разваливавшейся плановой экономики на рыночные рельсы, и ожидание помощи в преодолении острейших социальных последствий перехода к рынку, и упования на то, что Запад будет вести себя лояльно по отношению к России и СНГ в военно-политической сфере, и многое другое.

Понимание того, что надежды руководящих элит России и других стран СНГ на взаимопонимание и солидарность Запада в большинстве своем неосновательны, пришло не сразу. Однако со второй половины 1990-х гг. оно становится год от года все более отчетливым. Особенно большое воздействие на укрепление такого понимания оказали потрясший Россию и ее соседей дефолт, развязанная западным альянсом война против Югославии, вторжение в Ирак и поощрение «цветных революций» на постсоветском пространстве и в других регионах мира. В итоге чрезвычайно «облегчилась», особенно в России, «корзина ожиданий» от Запада.

Вместе с тем кое-какие важные компоненты остаются в этой «корзине» и в начале XXI в. Самый, пожалуй, существенный среди них – упования на ЕС как на эталонный интеграционный проект современности, стратегия и практика осуществления которого мыслились как своего рода «дорожная карта» для создания и успешного развития всех других стратегических экономических союзов в различных регионах мира. Такое представление о роли ЕС, как и вытекавшие из него надежды на те или иные формы участия в строительстве «Объединенной Европы», доминировали в то время и в правящей элите, и в аналитических сообществах, и в общественном мнении России и других постсоветских государств.

Как это ни парадоксально, но получается, что своим кризисом ЕС, сам того не желая, уже дал России и другим странам постсоветского пространства более сбалансированное представление о плюсах и минусах уникального евросоюзного проекта. Это позволило проявиться еще одному положительному последствию кризиса ЕС: благодаря ему другие интеграционные объединения, особенно на постсоветском пространстве, смогли выйти из «тени», которую отбрасывал на них евросоюзный «эталон интеграции». Они теперь обретают ту степень самостоятельности, которая стимулирует движение к полицентричному миру. А мир этот без стратегических интеграционных союзов представить уже вряд ли возможно. Ведь даже такой небывало сильный и продолжительный кризис, как нынешний глобально-евросоюзный, не в состоянии отменить интеграционный императив, который можно сформулировать следующим

образом: «Все дороги к месту под экономическим солнцем в нынешнем мире идут через интеграцию».

Значение интеграции как одного из главнейших вопросов мировой повестки дня в средне- и долгосрочной перспективе будет только возрастать. В XXI в. она стала категорическим императивом для всех континентов и частей света. Поэтому интеграционными организациями в разных регионах мира в конце XX в. и был так востребован опыт ЕС. Как полагают многие аналитики, происходящее в условиях глобализации формирование крупных региональных экономических союзов вокруг основных цивилизационных центров современного мира делает ситуацию для отдельно взятых стран практически безальтернативной. Последние либо входят в зону влияния «полюсов» экономической мощи, либо маргинализируются. Сейчас страны, не участвующие в стратегических интеграционных объединениях – пусть даже и такие большие, как Россия, Украина или Казахстан, – неизбежно теряют и в дальнейшем будут терять свои позиции в международном разделении труда, научно-технологической модернизации, экономической конкуренции. Следовательно, если использовать печально известный слоган времен «перестройки», то постсоветскому пространству «иного не дано». Действительно не дано!

С.В. Патрушев. Профессия политического социолога сужает для меня возможность свободно оперировать столетиями и даже десятилетиями. Ограничусь социологически обозримым масштабом, чтобы попытаться ответить на вопрос: является ли нынешняя Россия центром интеграции постсоветского пространства?

Есть ли в современной России массовый запрос на интеграцию постсоветского пространства? В частности, можно ли говорить о переосмыслении опыта XX в., прежде всего советского опыта, как предпосылки интеграционного строительства?

Напомню об отношении к ключевому эпизоду дезинтеграции, когда в июне 1990 г. Россия (51 % населения СССР), вслед за Эстонией, Литвой, Латвией, Азербайджаном и Грузией (тогда чуть более 7 % населения СССР), вступила на путь суверенизации. «Декларация о государственном суверенитете РСФСР» утвердила приоритет Конституции и законов РСФСР над законодательными актами СССР и фактически упразднила Союз в политико-правовом отношении. В какой мере современники понимали, что речь идет о поворотном пункте российского развития?

В конце 1990 г. важнейшими событиями года, по данным ВЦИОМ, россияне назвали избрание Б.Н. Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР (35 %), объединение Германии (27 %), решение о восстановлении в России частной собственности на землю (25 %) и только потом – принятие деклараций о суверенитете в России и других союзных республиках (22 %) наряду и почти вровень с кризисом в Персидском заливе (19 %). Годом позже, в декабре 1991 г., жителей страны более всего огорчили рост цен, снижение уровня жизни; дефицит товаров и развал

хозяйственных связей; падение производства (64,4–26,4 %); лишь 4-е место занял распад СССР – 22,8 %. Это странное невнимание к суверенной России становится яснее, когда узнаешь, что в том же 1990 г. только 37,5 % опрошенных связывали свою личную судьбу с сохранением СССР.

Современная молодежь не жалеет о распаде СССР (54 %) (среди всех возрастов – 33 %) и чаще полагает, что Советский Союз препятствовал экономическому и культурному развитию народов. А Российскую империю воспринимает как государство, основанное на добровольном единении народов. Поэтому исчезновение СССР считает актом экономического, культурного и общенационального освобождения.

Насколько естественным является сближение постсоветских стран? Достаточно ли для этого исторического наследия, общего географического и экономического пространства?

Весной 2012 г. в рамках проекта «Евразийский монитор» был проведен опрос, в ходе которого было опрошено более 13 тыс. человек в Азербайджане, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдове, России, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Украине. Были рассчитаны индексы притяжения стран друг к другу в экономике, политике, культуре, а также общий индекс притяжения. Обнаружилось, что по сравнению с другими постсоветскими странами наименьший индекс притяжения к ним – у России (ниже только у Грузии). Зато у России – высокий уровень притяжения к странам ЕС (выше только у Молдовы и Грузии), а также к странам Америки и Азии.

Напрашивается вывод, что значительная часть интеграционных проблем на постсоветском направлении обусловлена именно российским фактором. В этой связи надо внимательнее присмотреться к судьбе идеи «Россия для русских», которая находится в сложных отношениях с интеграционными процессами, предполагающими более широкий взгляд на государственное устройство, а также асимметричную ответственность участников интеграции. Между тем, в 2000-е гг. эта идея устойчиво поддерживалась 15–20 % российского населения в «чистом виде» и 35–40 % – «в разумных пределах»; категорически против выступали 25–30 % респондентов при 5–20 % затруднивших ответить.

Д.В. Суржик. Мое выступление построено на анализе проблемы России и постсоветского пространства, содержащемся в докладах Совета национальной разведки США – общего экспертного органа для всего разведывательного сообщества США. С конца 1990-х гг. Совет национальной разведки провел серию круглых столов между государственными экспертами, учеными и представителями СМИ и бизнеса, результатами которых стали пять футурологических докладов под общим названием «Глобальные тенденции». Последний из них подготовлен в 2012 г. и представляет сценарии и тенденции развития мира до 2030 г. В развитии стран СНГ (не используя эту аббревиатуру), авторы доклада выделяют следующие направления с характерными тенденциями.

Демография. Катастрофическое сокращение населения России, старение в Украине и Беларуси при высокой рождаемости в Средней Азии. Потенциально взрывоопасная ситуация с распространением ВИЧ-инфекции.

Экономика. Дальнейшее развитие энергетических компаний и связанных с ними банков и трубопроводных систем. Экономика, построенная вокруг отраслевых монополий, без развития среднего класса, не будет диверсифицирована, что приведет к упадку страны. Постсоветские государства, не имеющие больших запасов природных ископаемых, обречены на статус «дотационных» и постепенную гибель.

Внутренняя политика отягощена угрозами террора и исламского экстремизма, который найдет благодатную почву среди безработной молодежи в Центральной Азии. Достаточно сильные позиции криминала и коррупция помешают притоку иностранного капитала. Недоверие общества и отсутствие преемственности будут причинами нестабильности в СНГ. Власти будут идти по пути «закручивания гаек» – пути, в конечном счете, регрессивному.

Внешняя политика России отягощена значительным числом проблем с региональными соседями, ее членство в международных организациях останется номинальным. Украина экономически вынуждена сотрудничать с Россией, но будет все более отдаляться от нее, при этом не являясь «персоной грата» в ЕС, равно как Молдова и Грузия. Государства Кавказа, увязнув в пограничных спорах, не смогут выйти на мировой уровень. Центральноазиатские постсоветские республики будут ареной борьбы между Китаем и Россией, а затем – между Китаем и Индией.

Безопасность. Сохранится относительная устойчивость власти в России и Беларуси. Россия по-прежнему будет обладать вторым после США ядерным арсеналом, который несопоставим с другими ее видами и родами войск. Но экономические трудности вряд ли позволят России размещать свои контингенты за пределами ближнего для нее зарубежья.

Таковы некоторые выводы, содержащиеся в крайне интересных футурологических докладах «Глобальные тенденции» Совета национальной разведки США.

А.И. Суздальцев. В начале выступления хочу сказать несколько слов по поводу упомянутого выше заявления Х. Клинтон и нашей реакции на него. Коллеги, давайте успокоимся... После этого заявления никаких конкретных решений, никакого финансирования не последовало. В реальности, на мой взгляд, приоритетом США на постсоветском пространстве являются отношения не с Россией, а с Украиной. Украина – это ключевая для той геополитической игры, которая сегодня ведется на постсоветском пространстве, страна. Вопрос о судьбе Украины – это вопрос о судьбе всего постсоветского пространства. Давайте исходить из этого.

Реплики, прозвучавшие здесь о том, что мы должны благодарить Саакашвили за военный конфликт 2008 г., победа в котором якобы преградила

дорогу реализации планов по превращению Черного моря в «натовское озеро», звучат смешно. Черное море заполнено натовскими, турецкими кораблями. Не стоит всерьез говорить о грузинской военно-морской угрозе и грузинском флоте. Это тоже смешно.

ГУУАМ/ГУАМ? Но это то, от чего мы отказались. Туда вошли страны, которые были нами обижены. Мы не нашли к ним ключиков – их подобрали американцы, которые поступили абсолютно правильно. В геополитике нет «бесхозных» стран и свободных пространств. Мы здесь прозевали.

Надо сказать, что американская политика далеко не всегда противоречит нашим интересам. Примером, иллюстрирующим данное положение, является ввод американских войск в Афганистан. Уход НАТО и США из Афганистана – это большая для нас проблема. Мы готовы были помогать и помогали американцам тогда, когда они вводили свои войска в Афганистан, потому что этот шаг содействовал укреплению безопасности на южных границах СНГ и тем самым соответствовал нашим национальным интересам. Какова будет ситуация в Афганистане и на южных границах СНГ после ухода американских войск – сказать сложно.

Тоже самое можно сказать о ситуации вокруг Грузии. Мы понимаем, что при решении вопроса об отстранении Саакашвили от реальной политической власти не обошлось без американского влияния. Американцы поняли, что нужна замена и корректировка политики Тбилиси. Она, на мой взгляд, началась. Уже сейчас можно говорить о том, что это направление наших отношений потихоньку разблокируется.

Если говорить о евразийской интеграции, то, действительно, немало сделано для ее развития. Выросло целое экспертное направление, которое занимается этим вопросом. В Администрации президента РФ серьезно занимаются этим, Евразийская экономическая комиссия начинает потихоньку открывать свои двери. В РАН по вопросам евразийской интеграции появилась очень интересная комиссия, которую возглавляет С.Ю. Глазьев.

Надо сказать, что наша интеграция вписалась в ВТО. Таким образом, евразийский интеграционный проект был легитимизирован мировым сообществом. Благодаря этому появилась возможность связать наш интеграционный проект на наднациональном уровне с европейским интеграционным проектом. Пока это сделать не удалось, но к этому надо стремиться.

Сегодня сняты все ограничения для перемещения между Россией, Казахстаном и Беларусью товаров, услуг, рабочей силы. Создана единая система технического регулирования. Выросла взаимная торговля. Это касается, в том числе, и отношений Беларуси с Казахстаном. На старте этого проекта торговля между этими странами находилась едва ли не нулевом уровне. Сейчас она появилась. Но вместе с тем есть вопросы с внутренним инвестированием, с перемещением капитала. Нашего капитала бояться и не пускают на казахский и белорусский рынки.

Мы очень быстро подошли к четвертому этапу интеграции по ее классическому европейскому варианту – к созданию ЕАЭС.

Скажу о тех силах и моментах, которые тормозили этот проект.

Начну с того, что я работал в той группе комиссии «2020», которая занималась вопросами евразийской интеграции, и нам удалось в наших документах прописать многие вещи, которые затем вошли в базовые документы по евразийской интеграции: рынок дешевой рабочей силы объемом 200–250 млн человек; экономический и валютные союзы с российским рублем в качестве единой региональной валюты; укрепление международного статуса нашей страны как великой державы, возглавляющей крупную региональную группировку. Эту идею я поддерживал и поддерживаю обеими руками.

Старту этого проекта помешали некоторые политические моменты. В частности, сказались политические последствия войны в Грузии 2008 г., частичное блокирование отношений с ЕС и трудности, с которыми мы столкнулись при вступлении в ВТО. Но в ВТО нас все-таки пустили.

С какими еще трудностями сталкивается евразийская интеграция? Серьезным препятствием на пути ее развития является противодействие казахстанской и белорусской бюрократии. Сохраняются барьеры для развития взаимной торговли. Казахский и белорусский рынки, как я уже сказал, закрыты для нас.

Серьезная проблема для России состоит в том, что основной валютой Таможенного союза и Единого экономического пространства, в которой ведутся расчеты между странами, является доллар. Перевод расчетов с доллара на рубль – это вопрос нашей безопасности, это вопрос о судьбе евразийского интеграционного проекта. Это колоссальная проблема. Но вы знаете, что против придания рублю статуса региональной валюты выступают Минск и Астана.

Хочу сказать два слова и о Евразийской экономической комиссии. В ходе ее работы мы столкнулись с проблемой, которая заключается в том, что решения в рамках этого органа должны приниматься консенсусом. Консенсусное голосование приводит к тому, что де-факто этот наднациональный орган может превратиться в орган, принимающий решения в интересах не всех, а только отдельных участников интеграции. Сегодня в этой комиссии «правят бал» представители Беларуси. Они блокируются с казахами и при помощи такого блокирования добиваются принятия нужных им решений. Все идет по «белорусской тематике»: нужно спасать телевизоры «Горизонт» – поднимаются пошлины, нужно спасать грузовики «МАЗ» – поднимаются пошлины и т.д. Это очень опасная ситуация, которую необходимо исправлять.

С.Ю. Глазьев считает, что этой комиссии необходимо придать международную правосубъектность. Это любопытное предложение. Сейчас об этом говорить рановато, но в рамках ЕАЭС этот вопрос может быть рассмотрен и решен положительно.

В заключение хочу сказать, что, к сожалению, для наших партнеров решения, принимаемые по вопросам развития интеграционного проекта, – это решения не стратегические, а продиктованные сиюминутной политикой. Для нас же это стратегические решения. Мы идем на огромные издержки. Только по проекту Союзного Российско-Белорусского государства наши дотации, наша помощь, наши сниженные цены, наш скрытый рынок с 1995 г. составили на 1 января 2013 г. 72 млрд долл. Статистика Министерства экономического развития и торговли несколько другая, но близкая к этой цифре. Мы открываем доступ к нашим ресурсам, к нашим рынкам. За это зачастую рассчитывается наш производитель.

Заканчивая свое выступление, скажу, что проблем, возникающих в ходе реализации евразийского интеграционного проекта, много, но их можно и нужно решать.

П.Т. Подлесный. В нашей дискуссии постоянно присутствует сравнение ЕАС с ЕС. Когда мы говорим об этом, то необходимо иметь в виду, что ЕС создавался 50 лет назад в тесной упряжке с НАТО, а ЕАС существует только чуть больше года.

В.Б. Павленко. Вы [А.И. Суздальцеву] считаете, что любой интеграционный проект обязательно требует международной глобальной легитимации?

С.Ю. Разин. Я бы резче сформулировал этот вопрос. Почему мы должны спрашивать у кого-то разрешение на проведение интеграции в рамках постсоветского пространства? Скажите, пожалуйста, большевики, когда в 1922 г. создавали Советский Союз, спрашивали на это у кого-нибудь разрешение? Поставлю вопрос более широко: мне кажется, что сама российская политическая элита ведет двойную игру. Она должна определиться, и честно ответить на вопрос: какую Россию мы строим? Мы строим национальное государство – или мы остаемся империей? Если мы выбираем первый вариант ответа на этот вопрос, то тогда наши отношения с постсоветскими странами будут развиваться по одному пути, а если второй – по другому пути.

Ну почему сегодня на нашем круглом столе никто не сказал о том, что конечной целью евразийской интеграции является воссоздание единого централизованного государства? В этой связи хочу сказать, что у нас сейчас существует довольно плоское, сугубо экономическое понимание причин кризиса ЕС. Я считаю, что суть этого кризиса в том, что сейчас он подошел к такому этапу своего развития, когда ребром встал вопрос: что дальше? На мой взгляд, продолжение европейской интеграции может привести в перспективе к отмиранию европейских национальных государств и превращению ЕС в Соединенные Штаты Европы.

А.И. Суздальцев. Сегодня, конечно, нам не хватает мощного национального российского проекта, который являлся бы привлекательным для наших соседей. Украинская и белорусская элиты, а также элиты некоторых других постсоветских государств ориентированы на Европу. Работать с

этими, прозападнически настроенными, пораженными различными анти-российскими фобиями элитами – очень тяжело. У нас крайне небольшой набор рычагов, при помощи которых мы можем воздействовать на такие элиты этих стран.

Откликаясь на реплику о том, что мы должны определиться, что мы хотим строить – империю или национальное государство, – хочу напомнить о том, что СССР развалился всего 20 лет назад. Это очень маленький исторический срок. У нас еще настоящая национальная элита не сформировалась. Этот процесс идет очень плохо, медленно. Надо сказать, что, в принципе, элиты не создаются быстро. Нормальная элита формируется в течение нескольких поколений. А мы в XX в. несколько раз вырезали свою элиту. Поэтому нынешняя переходная ситуация будет сохраняться еще очень долго. Что касается интеграции, то вы [С.Ю. Разину] интеграцию воспринимаете как-то странно. «Следующий вопрос у нас по повестке дня – создание единого государства» – по такому принципу к интеграции подходить нельзя. На мой взгляд, интеграция не имеет ни начала, ни конца.

Что касается ЕС, то мы не знаем, что будет с ним дальше. Очевидно только то, что полный, стопроцентный перенос европейского опыта на евразийскую интеграцию невозможен. Нужно брать и использовать только то, что нам подходит. Еще раз подчеркну, что специфика интеграции на постсоветском пространстве состоит в том, что мы интегрируемся с жесткими авторитарными режимами, которые в принципе не интегрируемы. По каждому вопросу идет очень серьезная борьба. Отдать кусочек власти для Назарбаева и Лукашенко равносильно подрыву их собственного политического авторитета. Мы заманиваем их в интеграцию, мы пытаемся через интеграцию реформировать их экономики. Это невероятная вещь, но мы пытаемся это делать.

Отвечая на вопрос о том, нужна ли евразийскому интеграционному проекту международная легитимация, я скажу, что в ней нуждались все и всегда. Советской власти в начале 1920-х гг. тоже была нужна международная легитимация. Большевики ждали, когда их признают. Они для этого с немцами на соглашение пошли. Два изгоя в тогдашней системе международных отношений – РСФСР и Германия – договорились, и только после этого начался процесс международного признания Советской России. И сейчас нашей интеграции международная легитимация нужна – нужна, потому что нам надо торговать, нам деньги нужны.

Д.И. Люшкин. Я позволю себе задержать ваше внимание на теме новой российской элиты и перспектив ее формирования. Речь пойдет об элите вообще: культурной, интеллектуальной, предпринимательской и даже рабочей. То есть о тех людях, которые и должны сформулировать для нашей любимой родины национальный проект новой империи. Давайте только сразу оговоримся: бывают либо национальные государства, либо империи. Национальный проект у нас не пройдет: народ-богоносец от-

сутствует. Поэтому любое государственное строительство будет мыслиться в современной России только в рамках имперского проекта.

Евроатлантические интеллектуальные тренды «постимперского» и «постгосударственного» нашей элите недоступны. То есть они ей доступны, когда речь идет о том, чтобы отправить детишек в Оксфорд учиться, но использовать их в публичной риторике, ориентированной «на простых людей», считается опасным: мобилизационный потенциал у этих категорий практически нулевой. К тому же их смысл представителям пятого-шестого эшелона брежневской совпартбюрократии, исполняющей у нас роль демократической власти, непонятен, но глубоко неприятен. Качество наших элит задано запущенными в эпоху сталинского послевоенного террора механизмами отрицательной селекции, когда для руководства народом из его недр извлекается не лучший материал. Без коренного пересмотра кадровых стратегий качество российских элит со временем будет только ухудшаться. А пересмотр стратегий находится в зоне ответственности действующих элит, которые даже в интересах страны не готовы подписать себе смертный приговор. Проблема не только наша, но у нас она отягощена отсутствием негосударственных институтов, способных конкурировать с бюрократией.

Теперь к вопросу о ресурсах империи. Беда в том, что они используются крайне неэффективно. Наведение порядка в сфере госуправления блокирует всякую возможность разумной жизни в «этой стране». Не случайно М. Жванецкий еще в советское время предупреждал о том, что самое страшное для нашего человека – когда государство поворачивается к нему лицом. С тех пор пришло новое поколение элит, еще более... тщательное отобранное. Мы упоминали Священную Римскую империю, Российскую, Советскую империю (не упоминали саму Римскую империю, Габсбургов или Древний Египет...). Но вот почему-то за именами империй забываем упомянуть о том, что все они погибли. Даже Британская империя официально отказалась от имперской политики – и ничего, это не вызывает у них волну паники и апокалипсических видений. Строительство империи неизбежно заканчивается ее гибелью. Имперский алгоритм – сверхнормативное расширение социальной сферы метрополии за счет ограбления колоний (как раз и создающее все те плоды и даже излишества цивилизации) – неминуемо ведет к гибели и распаду государства, ресурсная база которого в конечном итоге не выдерживает нагрузки чрезмерно умножившихся социальных институтов. Это очевидно хотя бы потому, что количество потенциальных колоний ограничено, а управление ими опосредует увеличение затрат в геометрической прогрессии. Правды ради следует признать, что пока еще ни одной империи не удалось полностью освоить лимит колоний: все они надрывались раньше. Что, впрочем, несколько не умаляло оптимизма преемников, грезивших об имперском господстве и порядке в мировом масштабе. Гибель империи – это на самом деле лишь вопрос времени: умелый менеджмент позволяет поддерживать

тело государства в течение сотен лет, низкая квалификация элит ведет к быстрому и болезненному краху. Советская элита, изросшаяся за 70 лет в неэффективную бюрократию, воспроизводившуюся посредством механизма отрицательной селекции, оказалась одной из самых худших, поэтому некоторым жителям нашей страны «посчастливилось» видеть гибель империи дважды...

В этом смысле, принимая во внимание качественные характеристики нынешних руководителей, нам сейчас следовало бы не тосковать по советским временам, а присматривать местечко, чтобы развалинами постсоветской империи не придавило. Впрочем, как показывает опыт, в наши дни гибель империй может быть не слишком болезненной. Ну, разве что зарплату нам опять не поднимут...

С.В. Алексеев. У меня на сегодняшний день нет оптимизма по поводу возможностей интеграции России и государств постсоветского пространства. Путей такой интеграции может быть три. Два из них подразумевают добровольный или принудительный отказ национальных элит новых государств от полученной в этих государствах власти. Понятно, что для такого отказа должны быть более чем веские основания. Сантименты в *real politic* срабатывают плохо.

Первый вариант – силовой или смягченный силовой. Он подразумевает, что Россия обладает достаточной (прямо говоря, вооруженной) силой для того, чтобы национальные элиты либо подчинились ей, либо избрали ее своим защитником от внешних и внутренних угроз. Это путь, которым часто идет мировая политика, малопримлем для российского общества в его нынешнем состоянии (как показали и события 2008 г.), и дает лишь ограниченный результат для государства. Национальные элиты не хотят воевать – ни в переносном, ни тем более в прямом смысле, – и они с готовностью примут Россию в качестве защитника своей власти. Но как только речь пойдет о реальном ограничении суверенитета – пусть даже не в пользу России, а в пользу каких-то наднациональных органов, – они будут искать более выгодного покровителя. А на сегодняшний день есть наиболее очевидный из таких покровителей. И он более силен, чем Россия.

Второй вариант – экономические блага, «подкуп» элит и государств в целом. В этом Россия пока просто неконкурентоспособна. Запад обладает неизмеримо большими экономическими возможностями, и России на этом поле почти нечего ему противопоставить. Наша внешнеэкономическая политика именно по этой причине и представляет собой сочетание блефа и бессмысленных уступок под дежурные заклинания о «разделении политики и экономики».

Наконец, есть и третий путь, не обязательно подразумевающий вовлечение ныне правящих элит отдельных государств. Этот путь – единение через провозглашение консолидирующей идеологии. Причем исторический опыт учит, что срабатывают лучше всего идеи не этнического («панславизм») или регионального («евразийство») характера, а имеющие

глобальную ориентацию, обращаемые к любому этносу и государству. У Запада такая идеология, пусть все более размытая, есть. Есть она, к примеру, у Китая. И не важно, насколько социальная действительность КНР ей соответствует, – она позволяет находить идейных союзников по всему Земному шару. У России идеологии нет вообще, а идея, предлагавшаяся до недавнего времени партнерам по СНГ – «совместное движение в мировое сообщество», – вылилась закономерно в стремление многих из них двигаться туда самостоятельно. Действительно, если идеология российского государства не отличается от идеологии Запада, то какой смысл ориентироваться на подражателей вместо первоисточника?

«Идейный» путь, если избирать его, будет для современной России труден и долог. Российские интеллектуальная и политическая (а желательна, и экономическая) элиты должны естественным образом выработать и принять новую, философски обоснованную систему координат. Пусть даже формально, но выработать и принять. Может быть, это мог бы оказаться «консерватизм», милый сердцам многих наших властей предрержащихся и интеллектуалов. Может, и что-то иное. В любом случае, этот комплекс идей – чем бы он ни оказался – должен быть транслирован в другие страны постсоветского пространства, должны возникнуть массовые, способные существовать и без внешней подпитки политические движения в его поддержку. Наконец, эти движения должны войти во власть. Способна ли проделать такой путь нынешняя российская политика? Есть ли требующееся для этого время? Не уверен...

С.Ю. Разин. В завершение этой части нашей дискуссии хочу сказать несколько слов по поводу того, о чем говорил Андрей Иванович [Суздальцев].

Политика – это искусство предвидения, опирающееся на анализ своего и чужого исторического опыта. Российское руководство, в начале 1990-х гг. борющееся с союзным центром и фактически делавшее все для развала СССР, должно было знать и понимать, что во многих союзных республиках после распада сформируются авторитарные этнократические режимы. Это, если хотите, закономерность распада многонациональных государств. Поэтому значительная доля ответственности за распад страны и за сложность сегодняшних так называемых интеграционных процессов на постсоветском пространстве лежит на тогдашнем российском руководстве во главе с первым президентом Б.Н. Ельциным.

С.М. Иванов. В своей внешней политике российское руководство уделяет приоритетное внимание урегулированию региональных конфликтов на постсоветском пространстве, которые находятся в непосредственной близости от границ нашей страны и оказывают прямое воздействие на ее национальную безопасность. По различным источникам, на территории бывшего СССР к моменту его распада оставались неразрешенными около 180-ти территориальных споров, 150 из которых приобрели характер

конфликтов, а 20 сопровождалась вооруженными столкновениями конфликтующих сторон.

Наиболее масштабными по праву считаются конфликты Грузии с Абхазией и Южной Осетией, Азербайджана – с Нагорным Карабахом и Арменией, Молдовы – с Приднестровьем.

Вторжение грузинских войск на территорию Южной Осетии в августе 2008 г. вновь привело к многочисленным жертвам с обеих сторон конфликта, гибели российских миротворцев и мирных жителей, разрушению экономики и инфраструктуры региона. С помощью российских войск эта агрессия была пресечена, народ Южной Осетии защищен от новой волны геноцида со стороны грузинских властей. При этом легитимность действий России очевидна: в соответствии с нормами международного права, нападение на пользующихся законным мандатом миротворцев равнозначно нападению на государство, которое их направило в зону конфликта; в таком случае государство вправе защитить своих граждан, выполняющих миротворческую миссию, и отразить агрессию в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Чтобы избежать новых актов агрессии со стороны Грузии, жертв и разрушений в Абхазии и Южной Осетии, Россия признала суверенитет и независимость этих государств, а в сентябре 2008 г. установила с ними дипломатические отношения и заключила договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Нагорно-карабахский конфликт остается наиболее сложным и запутанным на постсоветском пространстве. Отсутствие миротворцев на линии прекращения огня создает реальную угрозу новых вооруженных провокаций и перехода конфликта вновь в фазу открытого военного противостояния. Принципиальная позиция России по Нагорному Карабаху остается неизменной: мы против навязывания участникам конфликта каких-либо рецептов извне и исходим из того, что главная ответственность за окончательный выбор должна лежать на самих азербайджанцах и армянах. Россия была бы готова поддержать тот вариант решения проблемы, который устроит все вовлеченные стороны, а в случае достижения компромиссной договоренности – выступить гарантом урегулирования. Жизнеспособным будет такое решение проблемы, которое позволит вернуть стабильность и спокойствие в Закавказье, а в постконфликтный период поможет сохранить исторически сложившийся там геополитический баланс сил, не приведет к превращению региона в арену международного политического и военного соперничества.

Приднестровский конфликт к настоящему времени приобрел характер замороженного и протекает относительно спокойно. Здесь впервые в практике подобных операций в состав миротворческого контингента наряду с иностранными (российскими) военнослужащими вошли подразделения самих сторон конфликта: Молдовы и Приднестровья.

Главным общим итогом миротворческой деятельности России на постсоветском пространстве явилось повсеместное прекращение

кровапролития в регионе, разъединение противоборствующих сторон, предотвращение гуманитарных катастроф, переход конфликтов в стадию замороженных, недопущение вмешательства внешних сил и концентрации в зонах нестабильности международных террористов и экстремистских организаций, создание условий к началу мирного диалога между сторонами конфликта напрямую и с участием России и других международных посредников.

В.В. Машко. Тема моего выступления – «Республика Беларусь: между Востоком и Западом. Политические и экономические реалии».

Без малого два десятилетия белорусское руководство, участвуя в интеграционных проектах с Россией, на практике пытается играть на противоречиях между Москвой и Брюсселем, осуществляя политику балансирования между двумя геополитическим центрами.

ЕС также преследует в Беларуси отнюдь не альтруистические цели. Однако попытки стран Запада повлиять на внутреннюю и внешнюю политику в большинстве случаев не приводили к желаемым для них результатам. Серьезное ухудшение отношений между Беларусью и ЕС произошло во второй половине 1990-х гг. после референдума, значительно расширившего полномочия Лукашенко и позволившего ему распустить Верховный Совет Беларуси. Жесткая позиция ЕС и США значительно ограничили его возможность проводить эффективную европейскую политику, в том числе и экономическую. В свою очередь, без значительной финансовой помощи Беларусь не имела шансов стать независимым государством. Спад производства и значительный бюджетный дефицит поставили белорусское руководство перед необходимостью выбора внешнеполитических приоритетов. Таким образом, ЕС и США в 1990-е гг. объективно способствовали сближению Беларуси и России.

Но во второй половине 2008 г. наметились подвижки в позиции ЕС и США в отношении Беларуси. Они перестали ставить во главу угла требования соблюдения прав человека, сконцентрировавшись на достижении геополитической цели, которая состоит в том, чтобы вырвать Беларусь из орбиты российского влияния. Такое изменение позиции было вызвано комплексом причин. В первую очередь, конфликтом в Южной Осетии, который привел к резкому обострению отношений между Россией и ЕС. В этой ситуации политическая нейтральность белорусского руководства стала гораздо более ценной, чем соблюдение прав человека и наличие демократических свобод в самой Беларуси.

Второй причиной стало усилившееся среди стран ЕС расхождение взглядов в отношении политики применения санкций по отношению к Беларуси. Руководители некоторых европейских стран полагали, что Брюссель должен перейти к политике втягивания Беларуси в процесс сближения с ЕС. Несмотря на то, что миссия наблюдателей ОБСЕ не

признала свободными и демократическими выборы депутатов Палаты представителей Национального Собрания, прошедшие в сентябре 2008 г. (по их результатам не было избрано ни одного депутата от оппозиции), ЕС пошел на уступки Лукашенко, приостановив на полгода санкции против руководства страны. Так, в октябре 2008 г. президенту Беларуси разрешили въезд в страны ЕС, а также был снят запрет на выдачу виз ряду должностных лиц страны.

Беларусь, со своей стороны, также предприняла шаги, направленные на нормализацию отношений с Западом: были выпущены на свободу политические заключенные, зарегистрированы некоторые демократические организации, две ведущие оппозиционные газеты – символы независимой печати «Народная воля» и «Наша нива» – снова поступили в киоски периодической печати. Но наиболее существенной, знаковой уступкой Западу стало непринятие решения о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Тем самым Минск показал свою готовность дистанцироваться от России. 20 марта 2009 г. на саммите ЕС в Брюсселе лидеры стран-членов этой организации приняли решение о включении Беларуси в программу «Восточное партнерство», направленную на сближение ЕС с шестью республиками бывшего СССР.

Участие Беларуси в программе «Восточное партнерство» противоречило принципам строительства Союзного государства России и Беларуси, шло в разрез с идеями российско-белорусской интеграции. С другой стороны, после разгона 19 декабря 2010 г. акций протеста в Минске и последовавших затем арестов ряда оппозиционных лидеров, ЕС и США вынуждены были вновь изменить свою политику в отношении Беларуси. Брюссель возобновил санкции против ряда белорусских чиновников и снизил уровень политических контактов.

В целом политику стран ЕС в отношении Беларуси можно определить как политику кнута и пряника. Ее цель – использование дозированного диалога с Минском для оказания влияния на внутреннюю и внешнюю политику страны. Основная проблема политики ЕС в отношении Беларуси заключалась в том, что у него не было для бывшей советской республики ни сильного кнута, ни сладкого мягкого пряника. Политика диалога с Минском, как и политика санкций, не привела к каким-то серьезным результатам. При всей экономической, политической и культурной мощи ЕС, ему не удалось создать эффективных рычагов воздействия на политику белорусских властей. Достаточно жесткая позиция ЕС в отношении Беларуси, за исключением 2008–2010 гг., создала благоприятный фон для сближения Беларуси и России, фактически делая для Беларуси базальтернативным путь интеграции с Россией.

Политику ЕС в отношении Беларуси в целом можно считать непоследовательной. Белорусское направление не является приоритетным для

Брюсселя, а само внимание к Беларуси формировалось во многом «по остаточному принципу». Проведению согласованной политики в отношении Беларуси во многом мешает бюрократическая процедура выработки решений внутри ЕС, а также противоположность интересов стран-членов ЕС. В частности, у Литвы, Польши, Латвии существует экономическая заинтересованность в сохранении и укреплении двухсторонних хозяйственных связей с Беларусью.

Белорусские власти, находясь в изоляции со стороны западных держав, не оставляют надежд на установление выгодных для Минска отношений с ними. Они по-прежнему надеются вернуться к «маятниковой» политике привлечения займов от разных кредиторов. Следует отметить, что белорусское руководство никогда публично не говорило о вторичности отношений с ЕС, а сам Лукашенко, говоря о вероятности приглашения Беларуси в ЕС, заявил, что хотя он не представляет страну в составе ЕС, но в тоже время, в случае официального приглашения, такой вариант бы рассматривался.

Конечно же, возможность присоединения Беларуси к ЕС в качестве одного из возможных вариантов развития внешней политики всерьез не рассматривается. Путь интеграции Беларуси в ЕС возможен только в том случае, если в Беларуси начнутся демократические реформы. Надо понимать, что такие реформы будут означать для белорусского президента и его окружения политическую смерть. Однако экономические проблемы подталкивают Минск к поиску точек соприкосновения с Западом. ЕС представляет интерес для Минска, прежде всего, с точки зрения возможности получения инвестиций. Кроме того, ЕС является крупным рынком сбыта для белорусской продукции. Так, из общего объема экспорта республики в январе-феврале 2013 г. на долю стран ЕС пришлось 35 %. Характерно, что в отличие от российского рынка, где Беларусь выступает в качестве производителя и продавца продукции высокой степени переработки, на рынках стран ЕС Беларусь прежде всего выступает в роли поставщика топливно-сырьевых ресурсов. Европейское направление внешней политики используется руководством Беларуси в качестве противовеса восточному вектору интеграции, в качестве искусственного препятствия для вовлечения Беларуси в политическую и экономическую орбиту России.

Следует отметить, что многовекторная политика Минска порой оборачивается многовекторным обманом, в результате чего за страной закрепляется репутация ненадежного союзника. При этом поле для маневров белорусского руководства с каждым разом все более сужается, и балансировать между Россией и Западом ему становится все труднее. Использование в собственных целях противоречий между Москвой и Брюсселем, торговые войны с Россией – все это ставит под сомнение искренность заявлений белорусских политиков о стремлении заниматься

реальным строительством Союзного государства, а не только получать односторонние преимущества и льготы от России. Во многом благодаря непоследовательной внешней политике белорусских властей, а также из-за их стремления к получению сиюминутной выгоды путем использования особого транзитного положения страны, геополитическое значение Беларуси как страны-транзитера российского углеводородного сырья снизилось. Результатом недальновидной политики Минска стало строительство нефтепровода ГТС-2 в обход территории Беларуси. Примечательно, что белорусские власти не учли негативный опыт Латвии, когда после ввода в эксплуатацию терминала «Транснефти» в Приморске Россия отказалась от использования терминала в Вентспилсе для поставок в Западную Европу своего углеводородного сырья.

Отсутствие у Москвы и Минска внятной концепции развития отношений в рамках Союзного государства обрекло многие интеграционные начинания на провал. При этом – в силу исторических, экономических, политических и геокультурных причин – мера исторической ответственности Москвы за судьбу интеграции была и остается заведомо выше. Анализируя российско-белорусские отношения, можно констатировать, что Москва и Минск изначально вкладывали в интеграцию разный смысл. Если для российских властей Союзное государство имело, в первую очередь, важное геополитическое значение, то для Беларуси первостепенное значение имел экономический эффект, экономическая выгода от интеграции.

В целом можно констатировать несколько уменьшающийся, но по-прежнему достаточно высокий уровень заинтересованности населения обеих стран в особых союзных отношениях. Идея объединения двух стран с середины 1990-х гг. сохраняет консолидирующее значение для российского общества. Она поддерживалась и поддерживается большинством населения России.

Н.В. Работяжев. Тема моего выступления – «Украина между Россией и Евросоюзом».

Три года назад в Украине закончилась эпоха правления «оранжевой» команды. В феврале 2010 г. украинским президентом стал В.Ф. Янукович, которого многие тогда считали пророссийским политиком. Однако, как оказалось, это было сильным преувеличением: Янукович – прежде всего прагматик, он действует исходя из собственного понимания национальных интересов Украины. А эти интересы в значительной степени отождествляются им с интересами восточноукраинских бизнес-групп, способствовавших его победе на президентских выборах. Суть внешней политики Януковича состоит в балансировании между РФ, ЕС и США, причем приоритетом для него является европейская интеграция Украины.

Путь Украины в Европу, впрочем, оказался весьма непростым. Его осложняют как финансово-экономический кризис в странах ЕС, так и

судебный приговор Ю. Тимошенко, после которого Януковича на Западе начали обвинять в преследовании оппозиции и авторитарных методах правления.

Стремясь вовлечь Украину в орбиту ЕС, Брюссель прельщает Киев перспективами ассоциированного членства Украины в ЕС и создания зоны свободной торговли с ЕС. Однако при этом делается оговорка, что курс Украины на европейскую интеграцию исключает ее участие в Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана. Украинская элита надеется, что соглашение об ассоциированном членстве Украины в ЕС, включающее создание зоны свободной торговли, будет подписано на саммите ЕС в ноябре 2013 г. Однако, учитывая охлаждение отношений между Украиной и ЕС после суда над Тимошенко, не исключено, что этот вопрос будет откладываться и дальше.

В заслугу Януковичу можно поставить нормализацию украинско-российских отношений, зашедших в предыдущие годы в тупик из-за антироссийского курса Ющенко. Так, в апреле 2010 г. президенты двух стран Д.А. Медведев и В.Ф. Янукович подписали в Харькове соглашение о продлении срока пребывания российского Черноморского флота в Крыму до 2042 г. в обмен на снижение цены на российский газ для Украины. Намечались позитивные тенденции и в области экономического сотрудничества, восстанавливаются кооперационные связи между предприятиями двух стран. При президенте Януковиче Россия и Украина приступили к реализации ряда совместных проектов в атомной энергетике, авиационной промышленности и других отраслях экономики. Важно также отметить, что в октябре 2011 г. украинский премьер-министр Н.Я. Азаров подписал с семью странами СНГ договор о зоне свободной торговли в рамках Содружества.

В то же время Киев отказывается от полноценного участия в Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана, хотя вступление Украины в Таможенный союз привело бы к снижению для нее цены на российский газ. Против интеграции Украины в Таможенный союз выступают не только националистические и прозападные политические силы, но и стоящие за командой Януковича бизнес-кланы, опасющиеся появления на украинском рынке российских конкурентов. Украина хотела бы выстраивать отношения с Таможенным союзом в соответствии с формулой «3+1», смысл которой заключается в ее тесном сотрудничестве с Таможенным союзом в рамках отдельных отраслей экономики при сохранении европейского вектора интеграции. Сделанные Киевом в последние месяцы осторожные шаги в сторону сближения с Таможенным союзом не говорят об изменении интеграционного вектора Украины. Янукович, скорее всего, будет продолжать «многовекторную» внешнюю политику в духе Лукашенко, лавируя между Россией и ЕС в расчете на преференции от обеих сторон.

П.П. Марченя. Так получилось, что я выступаю последним. Впрочем, так это обычно и происходит. И раз уж я последний, то в конце «стола» могу, вернее вынужден, вернуться к его началу. Он же «круглый».

У нас предмет обсуждения сегодня – постсоветское пространство. Что является организующей силой любого пространства? Что вообще превращает пространство в часть истории? Можно долго говорить об экономике, как это было сегодня, о геоэкономике, о геополитике, просто о географии, но если уж выстраивать иерархию всевозможных факторов, то, на мой взгляд, очевидно, что вверху этой иерархии подразумеваются определенные смыслы и идеи, конкретные мировоззренческие императивы, которые как раз и образуют Проект, превращающий пространство в нечто, имеющее исторический смысл и исторические цели.

Так вот у советского пространства – в отличие, увы, от постсоветского – эти императивы были. И мы знаем, что Россия была, в этом смысле, центростремительной силой, организующей пространство и включающей его в контекст мировой истории. Потому что, если говорить не о том, что не получалось, а о том, к чему в идеале стремилось это советское пространство, то это такие, мобилизующие и массы, и элиты идеологемы как «человек – покоритель Космоса», «победитель капитала» и т.д. Причем этот человек – и не «безродный космополит», с одной стороны, но он и не узко зашорен в каких-то национальных рамках, с другой. Действительно, были Императивы, которые делали Советский Союз Империей, которые для соседних государств и их народов делали Россию привлекательной для объединения с ней. Для объединения во имя чего-то неизмеримо большего, чем единое экономическое пространство, общая валюта и т.п.

Возвращаясь опять к слову «империя»: все-таки Империя – это прежде всего пространство, которое объединено каким-то Императивом. Если мы оставим в покое разные негативные коннотации – антидемократические и всякие прочие анти- и тому подобные интерпретации понятия «империя», – то, по большому, гамбургскому, счету, речь идет вот о чем: либо у народа и государства есть эти императивы, оно (государство) ими живет и тогда оно является полноценным субъектом истории, либо этих императивов нет, но тогда на такое («безимперативное») пространство приходят другие империи, со своими императивами – и это пространство будет поделено.

Для меня очевидно, что вот этот призыв, который сегодня тоже отчетливо прозвучал – мол, надо забыть о том, что мы Империя, и никогда больше не вспоминать, – это исторически суицидальный призыв. Потому что свято место пусто не бывает. Ну откажемся мы от своих имперских, как это говорят «демократы», «амбиций» – значит придут другие империи, и Россия просто будет поделена. Вот и все. И не будет тогда никакого постсоветского пространства, собственно говоря, И не будет такой проблемы, как «Россия и постсоветское пространство», – будет какая-то другая проблематика.

Удивила меня и экономическая логика некоторых из моих коллег. Причем это люди, которые хорошо помнят, что когда Империя была в зените своего могущества, с обеспечением науки и ученых у нас было все гораздо лучше, чем сейчас. А вот когда Империя распалась – или была развалена (это вообще предмет отдельного стола), – когда как таковой империи нет (пока или уже – но нет), то к ней вдруг возникают прелюбопытные претензии: да, вот я сейчас получаю 25 тыс. руб., поэтому не надо мне никаких империй, а то я буду получать еще меньше... Ну где же логика? Империя была, и мы жили лучше, чем сейчас. Империи не стало – и мы живем плохо, гораздо хуже. Но только не надо нам больше империи, а то мы будем жить еще хуже. По-моему, здесь нет ни экономической логики, ни формальной логики. А если так рассуждают ученые из России, то чего же мы хотим от простого обывателя (не говоря о преследующих собственные цели политиках) из соседних стран, некогда бывших в составе нашей империи?

Очевидно, что проблема «Россия и постсоветское пространство» – это в первую очередь проблема организации тех мировоззренческих ориентиров, которые могут снова сделать Россию притягательной для ее соседей. Либо, соответственно, Россия уступит кому-то свое место. К чему лично я не призываю, и готов бороться за то, чтобы такого не было.

А.И. Суздальцев. Соседи наши нас очень порицают за 1991 г. Я с ними так веду разговор: «Друзья! Вы ругаете нас, но вы сами этого хотели». У нас бывает своя линия, конечно...

С.В. Фокин. Мы хотим быстро. Но быстро ничего не бывает и не делается. Необходимо время, эволюционная постепенность и стабильность без конфликтов и войн.

В.Б. Павленко. Вот если бы нам не мешали, то тогда бы эта ваша реплика была бы уместна.

С.В. Фокин. Главное, чтобы мы сами себе не мешали.

П.П. Марченя. Тогда я хотел бы еще более резко сформулировать. Буквально последняя реплика. По большому счету, если мы берем историю на каких-то таких длительных исторических отрезках, а не 20 или там даже 100 лет, то никакого другого субъекта истории по организации пространства кроме империи, в общем-то, и не придумано.

Те, кто говорят, что есть Империя США, есть Империя Евросоюз, а России надо забыть о том, что она может быть Империей, это, если называть вещи своими именами, – призыв к капитуляции, полной и безоговорочной. Россия и постсоветское пространство сейчас действительно стоят перед историческим вызовом, от ответа на который зависит не только, каким будет их будущее, но и есть ли у них оно, это самое будущее. И многое, если не все, зависит от того, кто же в итоге «научно» ответит на этот вызов: ученые, которые живут интересами своего народа и своей цивилизации, или компрадоры от науки, которым посты и гранты дороже Родины.

А.И. Суздальцев. Можно вопрос? Можно много кричать: «Давайте сделаем империю!» А идея есть под нее? А ресурсы есть?

П.П. Марченя. Я думаю, что об этом стоит поговорить отдельно. Реально, вот то, что сейчас навязывается, вот эти все слова «интеграция», «реинтеграция», «инновация», «модернизация» – это, конечно, не Идея, которая способна стать основой имперской массовой политики.

А.И. Суздальцев. Империя – это насильственная интеграция.

С.В. Фокин. Другого пути у российской государственности не было в силу многих исторических факторов.

П.П. Марченя. Империя – это не только насильственная интеграция. Это, скорее, культурная экспансия. Никакая империя не способна держаться на одной лишь силе оружия. Империя предполагает вовлечение различных народов в орбиту действия культурных императивов, придающих общий смысл и общие ценности. Условием успешного распространения Империи является не столько насилие, сколько наличие Идеи, способной объединять и вести массы. В этом смысле Империя – это не столько форма организации масштабного пространства, сколько форма организации массового сознания. И *державность* России сегодня – это не столько сила, стремящаяся распространяться далее, сколько сила, *сдерживающая* зло. А наш разговор о возрождении империи – это призыв не к насилию, а к возвращению смысла.

С.Ю. Разин. Я хочу поддержать Павла Петровича [Марченя]. Скажите, пожалуйста, уважаемые коллеги, разве Советский Союз был построен на одной силе?

В.Б. Павленко. Нет, конечно.

А.И. Суздальцев. Была идея, конечно.

Н.Ю. Булешова. Была идея.

С.Ю. Разин. Если бы большевики не предложили народам бывшей Российской Империи некий Мегапроект, открывающий исторические горизонты и указывающий исторические перспективы, то разве удалось бы создать Советский Союз и превратить в одну из двух сверхдержав второй половины XX в.?

В этой связи встает вопрос, а может ли – и хочет ли – современная российская политическая элита предложить политическим элитам и народам бывших союзных республик какой-то объединяющий Мегапроект? Если нет, то у так называемой евразийской интеграции, в целом, будет такой же результат, как у проекта Союзного государства России и Беларуси. История этого проекта проста и понятна. Лукашенко продвигал идею создания Союзного государства России и Беларуси тогда, когда у него был шанс стать его президентом. Когда пришел к власти Путин, реализация этого проекта, по сути дела, остановилась...

Завершая работу нашего круглого стола, приглашаю всех к участию в научных мероприятиях, которые в дальнейшем будут проводиться в рамках проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации».

*Материал подготовили к публикации
П.П. Марченя, С.Ю. Разин*